

The background image is a dark, atmospheric photograph. It depicts a snowy, desolate landscape. A path of weathered wooden posts or pilings leads from the foreground into the distance. In the background, two large, dome-shaped structures, possibly greenhouses or domed huts, are visible. The sky is dark and cloudy, with a bright, thin streak of light, possibly a comet or meteor, visible in the upper left. The overall mood is cold and mysterious.

А. ДЖ. РИДДЛ

**ХОЛОДНЫЙ
МИР**

А. Дж. Риддл
Холодный мир
Серия «Долгая зима», книга 1
Серия «Смертельная угроза»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63079112
Холодный мир : [роман] / А. Дж. Риддл: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-117377-7

Аннотация

С каждым месяцем на Земле становится все холоднее. Снег выпадает и летом, ледники покрывают города. Люди покидают свои дома и переселяются в районы, где все еще можно выжить. Они могут сбежать от зимы, но не от своей природы и готовятся к войне за последние обитаемые зоны мира.

Ученые пытаются найти причину нового ледникового периода, и рядом с Марсом один из зондов обнаруживает таинственный объект, дрейфующий к Солнцу. Может ли он быть причиной вечной зимы? Можно ли его остановить? Может, это реликт древней цивилизации, как предполагают некоторые эксперты?

Одно можно сказать наверняка: исследование артефакта – единственная надежда человечества на выживание.

Содержание

1	4
2	15
3	26
4	29
5	35
6	38
7	43
8	47
9	53
10	56
11	66
12	74
13	87
14	94
15	109
16	112
17	121
18	127
19	137
20	139
Конец ознакомительного фрагмента.	143

А. Дж. Риддл

Холодный мир

1

Эмма

На протяжении последних пяти месяцев я наблюдаю за тем, как мир умирает.

Под ледниками, сметающими все на своем пути, скрылись Канада, Англия, Россия и Скандинавия. Все это выглядело так, будто они и не собираются останавливаться. Полученные нами данные это подтверждают.

Через три месяца лед покроет землю, и жизнь, какой мы ее знаем, перестанет существовать.

Моя работа заключается в том, чтобы выяснить – почему. И чтобы остановить это.

* * *

Меня будит сигнал тревоги. Выбравшись из спального мешка, я открываю дверь своей каюты.

Я не могу нормально спать с тех пор, как прибыла на Международную космическую станцию, и особенно с того мо-

мента, как начались Эксперименты по изучению Зимы. Я ворочаюсь каждую ночь, размышляя о том, что обнаружат зонды и сможет ли полученная с них информация спасти нас.

Переместившись в модуль Хармони, я нажимаю на кнопки настенной панели, пытаюсь выяснить причину завывающей сирены. Судя по показаниям датчиков, температура радиаторов солнечной батареи продолжает неуклонно расти и они перегреваются. *Почему?* Нужно это остановить...

До моего уха доносится голос с сильным русским акцентом, принадлежащий Сергею: «Это солнечная батарея, командир».

Я смотрю на экран.

– Объясни.

В ответ – тишина.

– Сергей, отвечай. Туда попал космический мусор? Почему температура растет?

На МКС есть миллион способов погибнуть, и один из них, без сомнения, – потеря солнечной батареи. Причем вариантов потерять саму батарею ничуть не меньше. Они работают так же, как и фотоэлектрические батареи на Земле: солнечная радиация превращается в них в электрический ток, высвобождая большое количество тепла. Жар рассеивается через радиаторы, направленные в противоположную сторону от солнечного света – прямо в темноту космоса. Если они перегреваются, то жару некуда деваться, кроме как внутрь станции, а для комфортной жизни такое развитие событий

подходит мало.

С этой ситуацией нужно разобраться как можно скорее.

Голос Сергея звучит почти раздраженно: «Это не мусор, командир. Как только сам разберусь – сразу сообщу. Пожалуйста, ложитесь спать».

Дверь соседней каюты отъезжает в сторону, и в проеме появляется заспанное опухшее лицо доктора Эндрю Бергина.

– Эмма, привет. Что случилось?

– Солнечная батарея.

– Все в порядке?

– Пока не уверена.

– Сергей, как думаешь – в чем дело?

– Я *думаю*, что дело в солнечной радиации. Ее уровень слишком высок, – отвечает Сергей по коммуникатору.

– Вспышка на Солнце?

– Да, больше нечему. Из строя вышел не один радиатор – они все перегрелись.

– Выруби батарею и переходи на резервное питание.

– Командир...

– Выполняй, Сергей. Сейчас же.

На панели отображается восемь солнечных батарей и тридцать три тысячи расположенных на них фотоэлектрических панелей. Я вижу, как они отключаются одна за одной и показатели температуры с датчиков радиаторов начинают ползти вниз.

На резервном питании мы какое-то время сможем продер-

жаться. Я знаю это, потому что мы делаем так пятнадцать раз за день, когда солнечные батареи находятся в тени Земли.

В голове звучит вопрос доктора Бергин: «Есть какая-нибудь информация от зондов?».

Уже проверяю.

Месяц назад международная ассоциация запустила космические зонды для измерения солнечной радиации в попытке обнаружить какие-либо аномалии. Зонды были частью Экспериментов по Изучению Зимы – крупнейшего научного исследования из когда-либо проводившихся. Основная его цель – понять, почему Земля остывает. Мы знаем, что солнечная радиация снижается, но этого, по идее, не должно происходить. Земля должна становиться теплее.

На МКС данные от зондов поступили бы в первую очередь, но на данный момент от них не было слышно ничего. Эти данные могли бы спасти человечество или хотя бы дать понять, сколько у нас осталось времени.

Мне следовало бы снова заснуть, но раз уж я встала, значит, встала.

И к тому же мне не терпится увидеть первые данные от зондов. На Земле осталась моя семья, и я хочу знать, что с ними произойдет. Да и среди астронавтов МКС звучал невысказанный вопрос: что станет с нами? Если мир умирает и нам некуда возвращаться, оставят ли нас здесь? Трое из нас должны вернуться через месяц, трое – через четыре месяца. Но найдут ли наши страны, уже сейчас столкнувшиеся

с беспрецедентным продовольственным кризисом, ресурсы для нашего возвращения?

По всему миру правительства борются за эвакуацию своих граждан в последние обитаемые зоны планеты. И перед ними встает трудный вопрос: что делать с теми, кого эвакуировать невозможно? Как много они готовы потратить на то, чтобы вернуть шесть человек из космоса?

Возвращение на Землю – это не прогулка в парке. У нас, по сути, нет индивидуальных спасательных модулей, а только две капсулы «Союз», которые и доставили нас на МКС. Каждая из них вмещает в себя до трех человек, так что мы можем воспользоваться капсулами для того, чтобы покинуть станцию. Хотя нам все равно необходима координация с Земли, а также кто-то, кто подберет нас после приземления.

Еще бóльшая помощь нам понадобится после возвращения, в частности длительный курс реабилитации. В космосе из-за недостатка гравитации наши кости теряют плотность. Причем в первую очередь это происходит там, где на скелет ложится основная нагрузка – тазобедренный сустав, позвоночник и ноги. Кости в прямом смысле исчезают, как при остеопорозе. Кальций, которого не хватает в организме, приводит к образованию камней в почках, а в космосе это совсем не то, что вы хотели бы получить. Кое-кто из первых астронавтов, побывавших на МКС, терял почти два процента плотности костей в месяц – благодаря статистике у нас

есть эти цифры. Но по возвращении мне все равно придется пройти реабилитацию. Я не узнаю, в какой я физической форме, до тех пор, пока мои ноги не коснутся земли (или льда, что тоже вероятно).

Правда в том, что наша польза для людей на поверхности заключается только в проведении Экспериментов по Изучению Зимы. Если мы не сможем выяснить, что являлось причиной Долгой Зимы и то, как ее можно остановить, мы никогда не покинем эту станцию. Мы попали в ловушку между холодным темным космосом и замерзающей планетой под нами. Сейчас это наш дом и, возможно, будет еще им какое-то время.

Это хороший дом. Лучший из всех, что у меня были.

Я медленно продвигаюсь через модули МКС, помогая себе руками и ногами. Станция похожа на набор огромных труб, прикрученных друг к другу под разными углами. В большинстве отсеков находятся лаборатории, некоторые же служат просто переходами.

«Юнити» был первым американским модулем, пристыкованным к МКС в 1998 году, и имел шесть стыковочных слотов, похожих на туннели, соединенных в общую канализационную систему.

Я перехожу в модуль «Транквилити», где находится жизненно важное оборудование, рециркулятор воды, генераторы кислорода и туалет, которым пользоваться так же трудно, как и ожидать, что здесь будет специальный космический стуль-

чак (МКС создавалась мужчинами для астронавтов-мужчин, так что – никак иначе).

Пройдя «Транквилити», я оказываюсь в обзорном модуле Европейского Космического Агентства. Это большой купол с семью тридцатидюймовыми иллюминаторами, обеспечивающими панорамный обзор космоса и Земли. Он заставляет меня задержаться на мгновение и осмотреться.

Высота орбиты МКС составляет примерно двести пятьдесят миль над поверхностью Земли. В день станция совершает 15,54 оборота, а это означает, что мы видим рассвет или закат каждые сорок пять минут.

Сейчас станция пересекает линию терминатора, открывая взгляду часть планеты, залитую солнечным светом, – Северную и Южную Америки.

Лед распространился до Великих озер, подобно белоснежным пальцам, погружающимся в синюю воду. В скором времени ледники покроют их целиком и двинутся дальше на юг. Мичиган, Висконсин, Миннесота и некоторые области Нью-Йорка уже эвакуированы.

Соединенные Штаты произвели все вычисления. Сейчас уже известно, какие зоны на поверхности Земли останутся обитаемыми. Пометка: они ниже уровня моря. Огромный лагерь был разбит в Долине Смерти, штат Калифорния, уже подписаны торговые соглашения с Ливией и Тунисом. Но все понимают, что долго они не продержатся; по крайней мере, не тогда, когда выживание станет ежедневной задачей.

Проще говоря, мир будет пытаться пропихнуть восемь миллиардов людей через узкое горлышко воронки, в которой могут спастись лишь немногие.

Это будет война.

Занимаясь на беговой дорожке, я запрашиваю отчет о состоянии станции. Солнечную батарею Сергей так еще и не включил, из-за чего я захотела было сама его проверить, но вспомнила, что он работает лучше, если предоставить ему свободу действий. Существует один важный момент в близком существовании шести человек: ты знаешь личные границы каждого.

Я снова проверяю, нет ли данных от зондов (все еще ничего), и начинаю читать почту.

Первое письмо от сестры.

Я никогда не была замужем, и у меня нет своих детей, в отличие от нее. Для меня эти дети – настоящее сокровище, двое лучших из всех живущих людей на свете.

В письме нет ни темы, ни содержания, а только лишь моя сестра Мэдисон, говорящая на камеру. Как будто она понимала, что я буду слушать, идя спокойным шагом по беговой дорожке, и не смогу прервать ее рассказ.

«Привет, Эм. Я знаю, надо присылать короткие видео, но мне нужно многое тебе сказать. До Дэвида дошли кое-какие слухи. Говорят... что многое в скором времени поменяется. Что проводится большой эксперимент и мы скоро узнаем,

почему началась Длинная Зима. Здесь люди продают свои дома за гроши и переезжают в Ливию и Тунис. Сумасшедшие. Они посылают солдат на...»

Видео обрезано на минуту или около того – цензура. Я продолжаю бежать по дорожке и смотреть на экран. Наконец, там снова появляется лицо сестры, но теперь с ней рядом два ребенка: Оуэн и Аделина.

– Привет, тетя Эм! – кричит Оуэн. – Смотри!

Он убегает из кадра, камера поворачивается, и я вижу, как он забрасывает мяч в баскетбольное кольцо, висящее футах в пяти¹ над полом.

– Записала? – спрашивает он у мамы.

– Да.

– Я сейчас повторю, если ты все-таки не нажала запись.

Я улыбаюсь, видя, как моя сестра поворачивает к себе камеру. «Они возвращают тебя домой? Если да, то... каков план? Я знаю, ты не сможешь водить какое-то время и тебе придется проходить реабилитацию. Конечно же, ты можешь жить с нами, если НАСА не собирается... если НАСА не может помочь тебе встать на ноги. Пришли мне ответ побыстрее, хорошо? Люблю тебя».

Мэдисон поворачивается к детям, которые теперь спорят на заднем плане. «Прощайтесь с тетей Эммой».

Оуэн поднимает голову над диваном и машет рукой: «Пока!»

---

¹ Примерно 1,5 метра.

Аделина садится рядом с матерью и прижимается к ней, по-видимому, стесняясь камеры: «Пока, тетя Эмма. Люблю тебя».

Я уже начинаю писать ответ, когда неожиданно на экране всплывает окно:

ПОЛУЧЕНЫ ДАННЫЕ: ЗОНД 127

В ту же секунду я открываю его и начинаю спешно проверять информацию по солнечной радиации. Увиденное повергает меня в состояние шока: они намного выше, чем данные, получаемые на поверхности Земли. Но ведь в этом нет смысла, так как зонд находится на том же расстоянии от Солнца. Может быть, его зацепила солнечная вспышка? Нет, данные постоянны на протяжении всего периода измерений. Может, какой-то локальный феномен.

Мое сердце практически останавливается, как только я открываю видеотелеметрию с зонда: на фоне солнца в кадре четко виден черный объект. Не астероид – они зубчатые и каменистые. У этого же объекта плавные линии и продолговатая форма. На что бы я сейчас ни смотрела, ясно одно – оно рукотворное.

Поскольку мы находимся на постоянной связи с агентствами в США, России, Европе, Китае, Индии и Японии, я сразу же активирую линию связи с Центром Сетевых Интеграций имени Годдарда, находящимся в Мэриленде.

– Годдард, это МКС. Мы получили первые данные с зондов. Идет процесс обработки. Примечание: сто двадцать

седьмой что-то обнаружил. — Я глубоко вдыхаю, стараюсь подобрать слова. — Первоначальная телеметрия показывает продолговатый объект с плавными гранями. На астероид или комету не похоже. Повторяю: похоже, что это не естественный объект, созданный...

Гаснет планшет, останавливается беговая дорожка. Одновременно с этим по станции проходит дрожь и в модуле начинает мигать свет.

Я включаю свой личный коммуникатор. — Сергей...

— Перегрузка по мощности, командир.

Ясней не стало. Солнечная батарея по-прежнему отключена, и станция находится на резервном питании.

По корпусу снова проходит дрожь, и у меня включается инстинкт самосохранения.

— Всем! Быстро вылезти из кроватей! Переходим в капсулу «Союз»! Запустить процедуру эвакуации!

Станцию начинает трясти, и меня отбрасывает в стену. Кружится голова, но тело реагирует абсолютно инстинктивно, и, помогая себе руками, я поднимаюсь к куполу. Через иллюминаторы я вижу, как Международная космическая станция разваливается на куски.

2

Джеймс

Скоро начнется мятеж.

Я чувствую растущее напряжение, и, куда бы я ни направился, везде меня провожают долгими взглядами, передают друг другу новости и шепчутся о секретах.

Замерзает воздух. Лед все ближе и ближе, и мы здесь в ловушке, так что если не сможем выбраться – нас всех ждет смерть.

О чем же говорят? О плане спасения. Это хорошие новости, а плохие заключаются в том, что я не являюсь частью этого плана. Мне не говорят ни слова, и я сомневаюсь, что вообще скажут.

В этой ситуации я мало что могу поделать. Так что остается только выполнять свою работу, не поднимать головы и слушать новости.

По разбитому телевизору как раз показывают очередной выпуск на CNN, но голос репортера еле различим из-за грохота машин вокруг.

– В Майами три дня подряд идет снег, что бьет все рекорды и вынуждает правительство Флориды обращаться за федеральной поддержкой. Опросы показывают рост протестных настроений среди горожан и управляющей верхуш-

ки на северо-востоке, которые усиливают давление на федеральное правительство. Они требуют ускорить темпы эвакуации. С приближением Долгой Зимы...

Не знаю, кто придумал этот термин «Долгая Зима» – может, СМИ или правительство. Так или иначе – он закрепился. Народу он нравится больше, чем «оледенение» (слишком технический) или Ледниковый Период (слишком необратимый). Долгая Зима звучит так, как будто ее конец вот-вот наступит; как будто это еще одно время года, просто очень длинное. Надеюсь, смысл именно такой. Я уверен, что Национальное управление по исследованиям океанов и атмосферы, а также все его дочерние организации по всему миру уже знают правду. Если это так, то нам они еще об этом не сообщили (отсюда и высочайшие рейтинги таких новостей).

Звучит тревожный гудок.

Я не обращаю на него внимания.

Начинается следующий репортаж, а поскольку я уже достаточно давно прекратил работать, понять сетку вещания не сложно. Согласно титру внизу кадра, на экране показывается порт Росайт, что неподалеку от Эдинбурга, Шотландия. Мужчина-репортер стоит в доках в тени огромного круизного корабля. С борта перекинут трап, и по нему на корабль медленно движется поток людей. Деревья вдали абсолютно белые, как если бы они покрылись льдом целиком. Снег падает на каменные плиты.

– То, что вы видите у меня за спиной, похоже на погруз-

ку отдыхающих для воскресного круиза, однако ничто так не далеко от правды, как это. Круизный корабль, который вы видите на экране, еще три недели назад назывался «Изумрудная Принцесса», после чего он был нанят правительством Его Величества и переименован в «Летнее солнце». Это один из сорока круизных кораблей, которые на протяжении какого-то времени будут эвакуировать жителей Великобритании в более теплые южные широты. «Летнее Солнце» отправится в Тунис, откуда пассажиров отправят в лагерь для эвакуированных вблизи Кебили. Этот лагерь является частью соглашения долгосрочной аренды между Соединенным Королевством и Тунисом. Такой же маршрут предстоит проделать жителям Норвегии, Швеции, Финляндии, России и Японии. Такая программа по спасению жителей Земли вызывает воспоминания об эвакуации в Великобритании во время Второй мировой войны, когда в результате операции «Пайпер» от угрозы нацизма было спасено три с половиной миллиона жителей...

Недвижимость на экваторе стала разлетаться как горячие пирожки. Такие места стали называться «зимними небесами». Все они находились ниже уровня моря и обладали аномально высокой температурой: Долина Смерти в Калифорнии, Эль-Азизия в Ливии, Вади-Хальфа в Судане, Деште-Лут в Иране и Кебили в Тунисе. Два года назад, если бы вы приехали в одно из этих мест и оставили бы утром открытую бочку с бензином, к обеду бы в ней ничего не оста-

лось. Тогда это были пустоши, а сейчас – путеводные маяки надежды, оазисы среди Долгой Зимы. И миллионы людей беднеют на глазах, продавая все, что можно, лишь бы купить заветное место в таком лагере. Интересно, будут ли они там в безопасности.

Звучит сигнал, аналогичный прежнему, но с другой машины. Это не тот сигнал тревоги, который я жду.

Когда он повторяется в третий раз, я вытаскиваю простыни из трех сушилок и начинаю их сворачивать.

Моя работа – это стирка, и я занимаюсь ею два последних года, с тех самых пор, как приехал в Федеральный Коррекционный Институт Эджфилда. Как и две другие тысячи местных обитателей, я утверждаю, что невиновен. Но, в отличие от большинства моих здешних знакомых, я *действительно* невиновен.

Если я в чем-то виновен, то это явно что-то особенное, к чему мир еще не готов, и это пугает людей. Моя ошибка – или, если хотите, преступление – не свойственна человеческой природе. Люди вообще не любят того, что им незнакомо, и в особенности того, что может изменить окружающую их жизнь.

Занимавшиеся моим делом юристы нашли какой-то малоизвестный закон, и мое дело стало в нем прецедентом. Остальным же выразили мысль достаточно четко: такое нам не нужно.

Я был приговорен, когда мне был тридцать один год, а

выйду отсюда в семьдесят. (В случае с федеральным преступлением условное освобождение невозможно). Если я буду хорошо себя вести, то смогу выйти на свободу после отбывания восьмидесяти пяти процентов моего срока.

Когда я только прибыл в Эджфилд, то придумал шесть вариантов побега. Дальнейшие размышления привели меня к выводу, что только три из них практически осуществимы и всего два имеют высокие шансы на успех. Что делать потом – вот в чем заключалась проблема. После осуждения мое имущество было конфисковано, и я не мог связаться с друзьями или семьей, не подвергнув их опасности. Весь остальной мир начал бы охотиться за мной и при встрече, возможно, попытался бы убить.

Так что я решил остаться и заниматься стиркой, стараюсь даже в таком месте, как Эджфилд, не зря прожить свою жизнь. Такой уж я есть, хоть и понял это только здесь: человеческая природа – единственное, от чего мы не можем убежать.

Каждый день несколько охранников поднимают нас на работу. Это меня беспокоит, и я знаю – почему: непонятно, делают ли они это по приказу правительства или по своей собственной инициативе.

Приближается война за последние обитаемые зоны на Земле, и больше всего преимуществ будут иметь люди, обладающие военной или политической силой. Например, офицеры исправительного учреждения. Лагеря будут похожи на

тюрьмы, и правительству понадобятся мужчины и женщины, специально обученные управлению большими массами людей, находящимися взаперти. От этого зависит спасение человечества.

В этом и заключается моя проблема. Эджфилд в Южной Каролине находится на полпути между Атлантой и Чарльстонам. Здесь уже идет снег (в августе), но льды пока еще до нас не добрались. Как только они дойдут сюда, начнется эвакуация, в которую заключенные не попадут. Правда в том, что от правительства требуют в первую очередь спасти детей, затем взрослых, и они уж точно не повезут с ними заключенных (тем более через Атлантический океан и обитаемые области Северной Африки). Такое расставление приоритетов позволяет быть уверенным в том, что заключенные не сбегут за основной массой людей на юг, и доставляет еще больше неудобств уже и так делающему все возможное правительству. Нет, здесь нас точно запрут накрепко. Или даже хуже.

Поэтому я снова вспомнил о своих планах побега, как и все мои здешние сокамерники. Такое чувство, как будто пришел на салют Четвертого июля – все ждут первого залпа. Продолжение же будет настолько быстрым и жестоким, что я сомневаюсь, смогут ли многие из нас спастись.

Мне нужно торопиться.

Дверь в прачечную открывается, и в проеме показывается надзиратель.

– Доброе утро, док.

– Доброе, – отвечаю я, не поднимая головы.

Педро Альварес, как мне кажется, один из лучших местных офицеров. Он молод, честен и не играет в игры.

Если подумать, то это даже хорошо, что я тут. Тюрьма – абсолютно уникальное место, где можно изучить человеческую природу, которая, повторюсь, была моим слабым местом и настоящей причиной того, что тут я постоянно был на нервах.

Со временем я поверил, что большинство надзирателей идет на эту работу только ради одного – власти. Они хотят иметь власть над другими людьми по той простой причине, что кто-то когда-то имел власть над ними. В этом и заключается первый из краеугольных камней человеческой природы: в зрелости мы хотим того, чего были лишены в детстве.

Однако в Педро мне нравится то, что в сложившейся системе является отклонением от нормы. Стремясь к дружбе с ним, я разузнал многое о его жизни и понял, что у Педро мотивация была отличной от других. Вот что мне удалось узнать. Его семья – родители, братья и сестры – все еще в Мексике. У него есть жена, примерно двадцати семи лет, и двое сыновей – трех и пяти лет. И, наконец, я знаю, что его жена – это единственная причина того, что он работает в Эджфилде.

Педро вырос в Мичоакане, горном мексиканском штате, не подчиняющемся никаким законам. Там правят наркокартели, а убийства случаются чаще, чем аварии на дороге. По-

этому, как только его жена забеременела, Педро решил переехать сюда, так как не хотел, чтобы его дети выросли такими же, как он сам.

Днем он работал в строительной бригаде, а ночью и по выходным изучал уголовное право в местном колледже Спартанбурга. В день выпуска он сказал жене, что поступает на службу к шерифу округа, потому что не хочет, чтобы это место стало вторым Мичоаканом. Он хотел сохранить закон и порядок ради своих собственных детей.

Второй краеугольный камень человеческой природы заключается в том, что родители всегда хотят дать своим детям то, чего они сами были лишены.

После известия от Педро о принятии его в ряды шерифов его жена просмотрела газетные сводки о несчастных случаях среди офицеров полиции и поставила ультиматум: либо он находит себе новую работу, либо – новую жену.

Они нашли компромисс. Педро стал надзирателем, в чью пользу была статистика смертности, кроме того, Марию Альварес абсолютно устроили его рабочие часы. Естественно, были и бонусные выплаты за переработку; за работу в воскресенье – на 25 процентов больше; к тому же такая работа позволяла через двадцать пять лет получить от правительства пенсию за опасную службу – как раз к его сорок девятому дню рождения. Хороший выбор. Как минимум, до начала Долгой Зимы.

Я ждал, что Педро уволится отсюда первым и вернется в

Мексику к семье. Тем более что там же были созданы обитаемые зоны и в скором времени туда хлынут орды из Канады и США.

Но вместо этого Педро оставался тут до последнего. Ученый во мне *хотел* знать почему, а поскольку я был настроен бежать, то мне *нужно* было это узнать.

– Что, Педро? Вытянул короткую соломинку?

Он удивленно поднял бровь.

Поскольку он здесь был практически моим другом, то я не мог удержаться, чтобы не сказать следующие слова:

– Ты не должен быть тут. Вы с Марией и детьми уже должны ехать на юг.

Педро смотрит на носки своих ботинок.

– Я знаю, док.

– Тогда почему ты по-прежнему здесь?

– Мало трудового стажа, или мало друзей – а может, и того и другого.

Он прав. Но причина еще и в том, что его начальство знает – как только начнется мятеж, Педро будет драться. Мир, в котором мы живем, так устроен, что сильные люди несут тяжесть поступков за двоих – и погибают первыми.

– Все дело в заработной плате, – пожимает плечами Педро.

В дверном проеме появляется один из осужденных и оглядывает комнату широко раскрытыми остекленевшими глазами. Он под наркотиками. Это Марсель, и его появление

всегда означает плохие новости.

Педро поворачивается, но Марсель быстро обхватывает его сзади, обездвигивая руки, и приставляет к горлу надзирателя самодельный нож.

Кажется, что время остановилось. Я прислушиваюсь к едва различимому шуму стиральных машин и сушилок, сквозь который различаю что-то новое; чувство накатывающихся изменений приближается издалека, как гром. Шаги, топот толпы по тюремным коридорам, перекрываемый криками, в которых я пока не могу разобрать слов.

Педро пытается вырваться из захвата Марселя, когда в дверях появляется еще один заключенный. У него широкая грудь, и видно, что он на взводе, но его имени я не знаю.

– Поймал его, Сэл? – кричит он Марселю.

– Он мой.

Заключенный бросается наружу, и Марсель переводит взгляд на меня.

– Они бросят нас тут замерзать, Док, ты же знаешь.

Он ждет моего ответа, но я молчу. Педро скрипит зубами, пытаюсь освободить правую руку.

– Так ты с нами, Док?

Наконец Педро удается разорвать захват, и он быстро опускает руку в карман. Я никогда не видел, чтобы он использовал оружие, и поэтому даже не уверен, что оно у него есть.

Марсель не хочет дожидаться ответа на этот вопрос, а по-

тому приставляет нож ближе к шее надзирателя.

И я делаю свой выбор.

3

Эмма

Плавающая под куполом модуля «Транквилити», я вижу, как МКС крутит и болтает, подобно домику фермера, подхваченному торнадо.

Солнечная батарея уничтожена, фотоэлектрические ячейки превратились в щепки и улетели в темноту. Когда станция потеряет герметичность и внутрь ворвется космический вакуум – лишь вопрос времени.

Но я вижу, что среди хаоса разрушений есть и надежда: к станции пристыкованы капсулы «Союз». Я никак не смогу к ним успеть, так же, как и Сергей или Стефани. Хотя каждая капсула вмещает трех человек.

– Пирсон, Бергин, Перес – садитесь в капсулу «Союз», пристыкованную к модулю «Рассвет». Прямо сейчас, это приказ.

Нас этому учили. «Союз» можно отстыковать от МКС за три минуты и приземлиться в Казахстане через четыре часа.

В моем наушнике слышен голос, но из-за помех я не могу понять – чей. Внутренние коммы накрылись, так что слышат ли они меня? Надеюсь, что да.

Нужно сообщить на Землю.

– Годдард, мы эвакуируемся...

В меня врзается стена и отбрасывает назад. Сгущающаяся тьма старается поглотить все вокруг, но я отталкиваюсь и скольжу через модуль «Транквилити». Чувствую, что вот-вот потеряю сознание, но борюсь изо всех сил, как ныряльщик, которого уносит волной прибоя, старается выплыть на поверхность.

Пока я на станции – я в ловушке. Считанные секунды отделяют меня от момента, когда она взорвется и все, что есть внутри, высосет в космос. У меня есть только один шанс спастись: в костюме EVA.

Схватив первый же скафандр, я быстро надеваю его и застегиваюсь. В нем у меня будет кислород, электричество и коммуникатор – если они еще работают.

– Годдард, вы меня слышите?

– Слышим вас, командир Мэтьюс. Доложите о ситуации.

Но до того, как я успеваю что-то сказать, модуль, в котором я нахожусь, взрывается, и меня утаскивает в разверзшуюся тьму.

* * *

Сознание и чувства возвращаются ко мне волнами. Как будто ты режешь лук: сперва ничего, а потом сразу – боль, тошнота и полная тишина вокруг.

Я все еще пристегнута к станции, но модуль подо мной разделен надвое, и я могу видеть Землю. Ледяные поля по-

крывают Сибирь и движутся к Китаю. Контраст между белым снегом и зелеными лесами выглядит прекрасно до тех пор, пока ты не задумываешься, что именно так сейчас выглядят разрушения и смерть.

Части МКС плавают вокруг, как детальки от конструктора Лего, но ни одной капсулы «Союз» не видно. Я пытаюсь вызвать остальных членов команды – безрезультатно. Затем наземные станции – тот же результат. Я стараюсь сообразить, уменьшается Земля или увеличивается. Если последнее, то я падаю на планету и сгорю в атмосфере; если наоборот – я преодолею земное притяжение и улечу в космос, после чего либо задохнусь, либо, если станция продолжает вырабатывать кислород, умру от голода.

4

Джеймс

Я бросаюсь вперед и хватаю Марселя за руку. Моего веса недостаточно, чтобы повалить здорового мужчину, но я могу отвести нож от шеи Педро.

Надзиратель выворачивается из захвата, что-то достает из кармана и бьет этим Марселя в бок.

Я чувствую, как через меня проходит электрический разряд. Марсель начинает биться в конвульсиях, а выпущенный им нож падает на линолеумный пол, пока мы оба оседаем на пол, как два мешка с картошкой.

Думаю, для Педро незаконно иметь электрошокер, но я рад, что он у него есть.

Отодвинувшись от руки Марселя, я чувствую, что разряд тока слабеет. Я чувствую слабость, а онемевшие губы весят, кажется, целую тонну.

Пока треск электрошокера не прекращается, здоровый заключенный крутится, как рыба в доках.

Педро наконец дотягивается до ножа, и, к моему удивлению, Марсель хватается его за руку, но слишком слабо, чтобы удержать его. Свободной рукой заключенный бьет более слабого надзирателя по ребрам. Педро вскрикивает.

С трудом приподнявшись на трясущихся ногах, я хватаю

Марсеся за руку, мешая ему замахнуть для нового удара, и в тот же момент слышу, как кто-то зовет его по имени – по коридору к нам приближается новая группа заключенных.

Нож теперь у Педро в руке, и внезапно все тело Марсеся покрывается кровью, заливая грудь, руку и меня вместе с ним. Клянусь, я чувствую, как он холодеет.

У него булькает в горле и медленно стекленеют глаза.

Педро скатывается с него, хватая его рацию. В последний момент я успеваю остановить его окровавленной рукой:

– Педро, нет.

Он замирает. Я продолжаю, тяжело дыша:

– Их слишком много. Охранников больше, чем заключенных. Сто на одного.

После этих слов Педро задумывается и, наконец, кивает головой.

– Я должен идти, Док. Это моя работа.

– Послушай меня. Когда он сюда пришел, то не стал перерезать тебе горло в ту же секунду. Как ты думаешь, почему?

Педро смотрит на меня искоса, размышляя. Так что я отвечаю за него:

– Он хотел взять тебя в заложники. Им нужен козырь на случай, если их план сорвется – живой щит. Если ты выйдешь из этой комнаты, то они попытаются тебя поймать и использовать против твоих же людей. Свяжут, будут избивать, и все это покажут в сети, чтобы видел весь мир. Чтобы видели твои дети.

Педро бросает взгляд на дверь прачечной. Это единственный выход отсюда, а поскольку крики снаружи все громче, у нас есть минута или чуть меньше.

- Док, ты должен остаться тут. Больше некуда идти. Он встает, но я удерживаю его окровавленной рукой.
- Есть другой путь.
- Что...
- Некогда объяснять, Педро. Ты мне доверяешь?

* * *

Когда заключенные наконец вбегают в комнату, я дергаюсь, лежа на полу рядом с Марселем.

Их шестеро, каждый держит в руках нож или заточку, у одного есть рация.

- Марсель тут. Он мертв.

Они обступают меня, и я с усилием усаживаюсь, все еще вздрагивая. Такую роль играть не сложно – я на самом деле еще слаб.

- Кто это сделал? – кричит главарь.

- Я... его не видел.

Лысый парень, примерно моих лет, с покрытыми татуировками руками, упирает нож в адамово яблоко на моем горле. Я изображаю ужас, но не показываю никакого напряжения.

- Он напал... на Марселя сзади. Ударил его шокером и

толкнул на меня. Я выключился.

Из рации доносятся звуки выстрелов. Главарь заключенных отворачивается и выкрикивает приказы, меряя шагами прачечную.

– Я не могу... идти, – шепчу я слабым голосом. – Пожалуйста, понесите меня...

Отдернув нож от моего кадыка, они толкают меня на спину и выбегают из комнаты.

Удостоверившись, что они ушли, я стягиваю с себя окровавленную одежду и убираю ее в мешок для грязного белья. Прокрадываюсь к стоящей в середине сушилке, открываю ее и шепчу:

– Они ушли.

Простыни отодвигаются в сторону, и я вижу глаза Педро: испуганные, но благодарные.

– Сиди здесь, пока я не вернусь.

К счастью для него, Педро невелик ростом, но после того как он выбирается из сушилки наружу, видно, что он устал сидеть в таком положении.

Я чуть выше его, дюймов на пять-десять, так что сидеть внутри мне будет тесно, но тут уж ничего не поделать. Я с трудом могу идти и уж тем более не могу бежать или драться. Если придется сражаться – моя нынешняя форма явно не позволит проложить мне путь наружу.

Чтобы нас с Педро не было слышно, я включаю звук телевизора на максимум. Из сушилки, где сидел Педро, я слы-

шу какой-то звук и понимаю, что он включил рацию, чтобы быть в курсе событий.

– Педро, – шепчу я, – ты должен выключить ее. Посторонние звуки – это смерть, друг мой.

С этими словами я забираюсь в сушилку, закрываю стеклянную дверь большой простыней и жду.

Я слушаю новости, пытаюсь услышать хоть какие-то намеки на то, что происходит. Каждый репортаж по ТВ, похоже, посвящен Долгой Зиме и тому, как какая-нибудь семья смогла от нее спастись.

Я стараюсь не двигаться, но все тело болит как из-за той позы зародыша, в которой мне приходится сидеть, так и из-за поражения электрическим током.

Наконец, начинаются последние сводки, и мое внимание привлекают слова «бунт в тюрьме» и «Национальная гвардия». Отодвинув простыни, я вижу через стекло сушилки, как по телевизору передают посадку вертолетов вокруг тюрьмы. Это происходит не далее сотни ярдов от того места, где я прячусь сейчас.

Репортер эхом повторяет то, что я и так предполагал после начала бунта:

– Снижение внимания к обеспечению правопорядка федеральными и местными властями вследствие наступления Долгой Зимы привело к изменению правил подавления тюремных бунтов.

Мое внимание настолько захвачено новостями, что при-

ближающиеся шаги я не слышу до тех пор, пока трое заключенных не входят внутрь. Они ищут нас, и в частности, Педро — им нужен козырь. Что касается меня, то, как только они поняли, что я сделал, они хотят отомстить. Мечь в тюрьме — дело важное. И остановить их сейчас, похоже, некому.

5

Эмма

Я совсем потеряла счет времени. Прошло несколько часов, день, два дня?

Единственное, в чем я уверена, – у меня появились симптомы кессонной болезни. Не такие сильные, чтобы меня убить, но достаточные для того, чтобы я чувствовала их каждую секунду. Хочу, чтобы меня вырвало, но сейчас для этого не самое лучшее время.

Научное обоснование кессонной болезни звучит следующим образом. Давление на МКС и космическом шаттле равно $14,7\text{psi}^2$ – то есть равно атмосферному давлению на Земле на уровне моря. Скафандры EVA имеют давление $4,3\text{ psi}$, равное атмосферному давлению на вершине Эвереста. Чем это плохо? Быстрое снижение давления приводит к образованию азота в крови и тканях тела. Растворяясь, он формирует пузырьки – прямо как при открытии банки содовой. То есть внутри банки содержимое находится под давлением, но стоит ее открыть, как давление начинает резко падать. Что в итоге? Шипучие пузырьки двуокиси углерода в жидкости. В моем же случае это пузырьки азота, только не в жидкости, а в

---

² Единица измерения давления, в основном используемая в США. – Здесь и далее примеч. пер.

моем теле. Этакая человеческая банка содовой под давлением, которую резко открыли, и теперь она выливается наружу.

Ныряльщики со «скубой³» узнали о кессонной болезни давным-давно и с тех пор ищут способы ее избежать. На МКС у нас существует специальный протокол, которому мы следуем, перед тем как надеть скафандры EVA, чтобы избежать декомпрессии или даже смерти.

В настоящий момент мне настолько плохо, что я предвосхищаю свой следующий выбор. У меня все болит, я вымотана, но я ни за что не засну, потому что боюсь потом не проснуться.

Я изо всех сил цепляюсь за жизнь, за каждую ее секунду, и только сейчас понимаю, насколько хочу жить. Вот что действительно имеет значение в такой ситуации – желание жить.

Правда, прямо сейчас я мало что могу сделать. Просто смотрю на мусор, оставшийся от станции, пытаюсь понять, спасся ли еще хоть кто-то или осталась ли у меня еще хоть какая-то возможность сохранить свою жизнь.

Временами часть станции падает в атмосферу и сгорает, как сверкающие частицы в песочных часах, отсчитывающих время до моей гибели. Я нахожусь на сходящей орбите, и это только вопрос времени, когда я вместе с той частью МКС, к которой прикреплена, упаду в атмосферу и сгорю.

Новая яркая вспышка – похоже, космического мусора сгорает все больше. Но нет, этот свет становится ярче и ярче –

---

³ Род акваланга.

что-то приближается ко мне.

Ракета, все ближе и ближе.

От нее отделяется капсула и направляется в мою сторону.

За мной.

Я не верю собственным глазам, слезы текут по моему лицу
— меня спасут.

6

Джеймс

В федеральной тюрьме с вами происходит, если так можно выразиться, удивительная вещь – вы получаете некую «уголовную породу». Вы не обычный вор или убийца, мотающий срок в тюрьме штата. Обитатели Эджфилда или других исправительных заведений – настоящие гении преступного мира. Ну или, как минимум, те, кто стремится совершить преступление, которое станет известным далеко за пределами штата, и нарушил федеральный закон.

Минус в том, что они достаточно умны, чтобы найти меня и Педро. Мои подозрения подтверждаются, когда я слышу, как открывается сушилка в самом начале ряда, а потом следующая.

Вдалеке слышен треск автоматной очереди. Национальная гвардия ворвалась внутрь, умело используя фактор времени. Через несколько минут они будут тут, и тогда – никаких переговоров. Самое важное – элемент неожиданности.

Дверца моей сушилки распахивается, и чья-то толстая рука выбрасывает наружу простыни. Вслед за этим мне в лицо направляется дуло пистолета.

– Вылезай!

Подняв руки, я начинаю аккуратно выбираться из сушилки.

ки, преодолевая боль во всем теле.

Звуки выстрелов все ближе. Такое ощущение, что началась Третья мировая война.

– Закрой дверь и подопри ее столом! – кричит один заключенный другому.

Я уже почти вылез из сушилки, но хотел бы забиться обратно вглубь, потому что знаю, что меня ждет. Боже, эти ребята тупые. (Хотел бы я взять назад свои слова о среднем уровне интеллекта федеральных преступников.)

– Я сказал, вылезай!

Как бы я ни хотел остаться внутри, приказание под дулом пистолета нужно выполнять. Я пытаюсь встать на непослушных ногах, как молодой олененок, делающий первые шаги.

Педро находят пару секунд спустя. Он хоть и выбирается с трудом, но стоит, гордо выпятив грудь. Сейчас он мне нравится все больше и больше, и, надеюсь, мы не сдохнем здесь, посреди прачечной.

Они заставляют его встать на колени, предварительно отобрав рацию и электрошокер, который он использовал на Марселе.

Мне больно стоять, так что я, ссутулившись, приваливаюсь к сушилке и замечаю, что выстрелы стихли. Что бы там ни происходило – война закончилась.

Неожиданно оживает рация, которую один из заключенных, по-видимому, забрал у другого охранника.

– Обращаюсь к тем, кто находится в прачечной. Все кон-

чено. Выходите с поднятыми руками – больше нам потери тут не нужны.

Предводитель мятежников выглядит совсем не так, как я ожидал. Белый, средних лет, не особенно мускулистый, с уже редеющими волосами и однодневной щетиной. Он похож на тех, кого вы можете видеть на канале CNBC рассказывающими о том, что вам стоит купить акции его компании, несмотря на то что в последних отчетах у них крайне сомнительные показатели. Может быть, именно такие аферы его сюда и привели.

Он оглядывается, меряя комнату шагами, и видит то, что я и так знаю: ни окон, ни дверей, никакого пути наружу. Только небольшие вентиляционные отверстия в потолке. И не верьте тому, что показывают в фильмах, – они не такие большие, чтобы заключенный мог в них пролезть.

Когда предводитель заключенных отвечает по рации, его голос звучит мягко и спокойно:

– Мы тоже не хотим потерь. Нам нужен только шанс на спасение. Если вы не заметили – зима близко. Мы не хотим отсюда бежать; мы хотим, чтобы нас оставили в покое. Нас осталось уже не так много, но еще пока достаточно, чтобы засеять тюремные земли и прокормить себя. Все, о чем мы просим, – это запечатать нас в этой тюрьме. Закрыть двери, выбросить ключ и запрограммировать охранных дронов убивать каждого, кто нарушит периметр. Мы не хотим бежать, мы хотим спастись.

Наверное, это предводитель всего мятежа. Он довольно умен, и для моей продолжительности жизни это, возможно, не очень хорошо.

— У нас один из ваших охранников, — говорит он, смотря Педро в глаза, а после протягивает ему рацию. — Скажи им, как тебя зовут.

В ответ на это рация получает от Педро только плевков, а заключенный с окровавленной грудью уже отводит руку с дубинкой назад для замаха.

— Педро, делай, что он говорит! — кричу я. Другой заключенный останавливается, оглядывая нас обоих. — Скажи им сам, или они выбьют из тебя ответ. Не волнуйся, все будет хорошо.

Их главарь наклоняет голову и неотрывно смотрит на меня.

— Да, Педро, все будет хорошо. Говори.

Наконец, через стиснутые зубы охранник называет свое имя и звание, после чего снова начинает говорить предводитель мятежа:

— Если вы выведете своих солдат из тюрьмы и выполните наши требования, мы вернем Педро Альвареса целым и невредимым. Он спокойно выйдет отсюда, а мы все будем жить долго и счастливо.

— Тюрьма эвакуирована, — отвечает гвардеец. — Но я не могу выполнить остальные ваши просьбы. Мне нужно разрешение моего начальства. Дайте мне время.

– Ну, мы никуда не уходим. Как, кстати, и Педро, если наши требования не будут выполнены.

Главарь отпускает кнопку радиации и смотрит на меня.

– Ты кто?

– Тот, кто занимается стиркой.

– И прячется там же.

– Когда необходимо...

Он усмехается, но его поделщики не выказывают ни тени улыбки. Один из них указывает на меня самодельным ножом.

– Он доносчик, Карл. Мы прикончим его прямо сейчас, как я и сказал.

Ну, технически, я не доносил, а помогал тем нашим надзирателям, в ком замечал серьезную моральную опору, как, например, в случае с Педро Альваресом. Хотя теперь не время спорить о пустяках.

Похоже, что их лидер – Карл – согласен.

– Файни, ты можешь прикончить его – или что ты там хотел с ним сделать – после того, как все закончится.

Эмма

Некоторые воспоминания накрепко отпечатались в моей голове. Мне шесть лет, рождественское утро, а у дерева стоит новенький велосипед со страховочными колесиками. Еще я помню рождение Аделин и Оуэна, а также день, когда я села в капсулу «Союз» на самом верху ракеты, готовящейся унести меня в космос.

Это всегда было моей мечтой, а на определенном этапе стало еще и причиной, почему я откладывала так много дел на потом: свадьба, дети, оседлый образ жизни.

Теперь все превратилось в кошмар.

Но вид спасательной капсулы, мчащейся прямо сейчас ко мне, это как раз и есть один из тех моментов, что я не забуду никогда. Радость переполняет меня, ведь кто-то внизу отправил этот корабль сюда – за мной. В мире, который борется за выживание, они отправили капсулу, чтобы спасти лишь одного человека.

Наверное, это что-то да говорит о человеческой расе.

Капсула разворачивает солнечную батарею, как птица раскрывает черные крылья. Маневровые двигатели то и дело выбрасывают облачка пара, подобно распускающимся цветам, по мере того как капсула подходит все ближе. Разглядев

лого на борту, я понимаю, что это частная фирма-подрядчик. Через три недели они должны были доставить на МКС смену из трех человек, чтобы обновить половину команды станции, включая меня. Похоже, ее запустили раньше.

Еще с большого расстояния я поняла, что за корабль приближается: универсальная команда и грузовая капсула на семь человек, а еще – тонны припасов. Если смотреть сверху вниз, то первое, что мы на ней видим, это носовой конус (сейчас отсутствует), герметичный отсек для команды, отсек для обслуживания (не герметичный), тепловая защита для входа в плотные слои атмосферы, и в самом низу – негерметичный грузовой отсек, отсоединяемый перед возвращением на Землю. Все отлично, за исключением того, что на станции (или на том, что от нее осталось) больше нет исправного стыковочного узла.

Как будто прочитав мои мысли, капсула поворачивается ко мне носовой частью, запуская механизм стыковки. Я жду, что вырвавшаяся наружу атмосфера толкнет капсулу назад, но ответом мне становится лишь легкое «пуфф» и слабый толчок – они заранее разгерметизировали отсек. Что ж, умно.

Открытый зев капсулы как будто вглядывается в меня, а за ним чернеет бездонная пустота космоса. Мы оба вращаемся на орбите, с той лишь разницей, что МКС двигалась со скоростью семнадцать тысяч миль в час, а мы сейчас, к счастью, движемся медленнее. Капсула старается подстраивать

скорость под мою постепенно снижающуюся орбиту, так что ей приходится постоянно пользоваться маневровыми двигателями, но это все равно проигрышный вариант. Все равно как если бы колибри пытался оставаться совершенно неподвижным – это невозможно.

Какой у них план? Я жду, что из капсулы что-то появится, чтобы я могла ухватиться и дать себя втянуть внутрь. Может, трос или веревка. Я согласна даже на лакричную палочку – вообще все, что угодно, чтобы спастись.

Но ничего не появляется.

Капсула ждет, а огни на грузовом отсеке начинают мигать. Проходит некоторое время, прежде чем я понимаю, что это азбука Морзе. (Из-за кессонной болезни я не работаю «на полную мощность»).

Сообщение начинается снова.

Точка – тире – тире – точка.

«П».

Точка.

Вторую букву я пропустила.

Нужно собраться.

Третья буква: тире – тире – точка.

Или тире – точка – точка.

То есть это «Г» или «Д».

Потом «А».

Следующая буква: точка – тире – тире – тире.

«Й».

«П», что-то непонятное, «Г» или «Д», «А» и «Й».
Ох, пожалуйста, скажите мне, что это неправда.
Последовательность начинается сначала.
Да, они говорят «ПРЫГАЙ».

8

Джеймс

Вот что, я думаю, будет дальше: они пустят слезоточивый газ в вентиляцию, затем внутрь войдет Национальная гвардия, начнется мясорубка, а потом меня ждет или смерть, или тюрьма.

Как ни крути, я в проигрыше.

Теперь уже все оставшиеся заключенные прибежали в прачечную – всего семнадцать человек. Возможно, они прикидывают так: их единственный рычаг давления – Педро – сидит тут, из комнаты только один выход, и защищать ее проще, чем целую тюрьму.

Из рации в руках Карла раздается треск, и голос командира Нацгвардии заполняет и без того забитую телами комнату.

– Я обращаюсь к главному в тюрьме Эджфилд – мы согласны провести обмен.

Крик радости нарушает тишину. Несколько раз я слышу: «Дай пять!» Но брошенные на меня взгляды не так уж дружелюбны.

Педро не сдается и пытается развязать туго стянутые скотчем за спиной руки.

– Я никуда не пойду.

– О, еще как пойдешь, – улыбается в ответ Карл. – Если ты

не заметил, то мы договорились со свиньями *снаружи* тюрьмы. Не внутри. Заткните ему рот!

Последняя фраза обращена к его приспешникам. В ход идет наволочка от подушки, обмотанная еще большим количеством изоленты.

– Отличные новости! – говорит Карл, нажав кнопку рации. – Давайте поговорим по делу. Нам нужны гарантии, что наш маленький независимый штат Эджфилд никто не захватит. Естественно, что под «гарантиями» я понимаю пушки. И еще гранаты. И зона безопасности снаружи ограды, скажем, ярдов сто.

– Об оружии речь не идет.

– Тогда вот наши условия. Нет оружия – нет Педро Альвареса. Живым, по крайней мере.

В ответ долгая пауза, и, наконец, ответ: «Ждите».

Ожидание тянется, похоже, целую вечность, прежде чем из рации раздается: «Хорошо, вы получите свое оружие».

– Отлично, но нам не нужны эти стариковские «пукалки». Я говорю о полуавтоматах, и чтобы побольше патронов. По одному на каждого, из моих... – он останавливается, чтобы посчитать, – семнадцать людей. И верните нам всех, кого вы повязали в ходе своего акта агрессии, естественно, с оружием. – Он все больше распаляется, не в силах сдержаться. – И бросьте каждому свободную винтовку, две гранаты и семь гранатометов.

Переговорщик от Национальной гвардии нехотя соглаша-

ется. За несколько часов заключенные успевают проверить всю тюрьму на предмет спрятавшихся охранников, засад и мин-ловушек. Лишь убедившись, что Эджфилд пуст, нас с Педро выводят из прачечной под конвоем, окружив со всех сторон.

Выйдя во двор, я вижу, что солдаты стоят за баррикадами и БМП. Дальше них – остальные заключенные, а перед баррикадами – приготовленные ящики с оружием.

– Покажите оружие! – кричит Карл.

Вперед выходит гвардеец с полосками на рукаве, открывает ящик и, вытащив среднюю с виду винтовку, производит выстрел в воздух.

– Высыпай все на землю, бери винтовку. Нет, две, – кричит Карл. – И покажи еще раз.

А у него определенно есть мозги.

Гвардеец бросает взгляд человека с эмблемой серебряного орла на шлеме, ожидая подтверждения. Ответом ему служит кивок, после чего гвардеец проходит вперед и поднимает другую винтовку, однако Карл кричит, чтобы он взял следующую. О да, он действительно умен, однако после того, как гвардеец стреляет из каждой, становится понятно, что они обе исправны.

Да о чем они только думают, вооружая тюрьму? Это же кошмар.

Когда начинается обмен, я словно парализован. Заключенный, держа Педро и угрожая ему ножом, выходит вперед,

но останавливается на полпути, ожидая, пока Нацгвардия отпустит остальных. Осужденные бегом кидаются через двор, хватают ящики с оружием и бросаются обратно. Но парень, который держит Педро, не двигается.

– Отпусти его! – кричит командир Нацгвардии в громкоговоритель.

– Отпустим! – звучит ответ Карла, но никаких приказов не следует.

Я чувствую, что у меня вспотели ладони. *Отпусти его.*

Добежав назад, заключенные бросают ящики на землю и быстро раздают остальным оружие. Вскинув его вверх, приспешники Карла кричат так, как будто только что выиграли Суперкубок⁴, а потом наставляют винтовки на первую шеренгу гвардейцев.

– Хорошо, отпустите нашего гостя, – наконец произносит Карл по рации.

У меня словно падает груз с плеч, когда Педро делает шаг вперед. Дойдя до баррикады, он оборачивается и ищет в толпе заключенных мои глаза. Я уверен, что знаю, о чем он думает: если он останется верным своим убеждениям и потребует отпустить меня, то, возможно, все получится.

В ответ я мотаю головой. Теперь у них столько оружия, что любая перестрелка превратится в кровавую баню.

Прежде чем ему удастся что-то сделать, гвардеец втаскивает его за баррикаду, а заключенные, как и в прошлый раз,

---

⁴ Финальная игра чемпионата США по американскому футболу.

отступают назад, по-прежнему держа на прицеле военных.

Они втаскивают меня обратно в ворота тюрьмы, и я вынужден подчиниться. Похоже, моя судьба решена чуть меньше, чем полностью.

* * *

Меня запирают в камере, что, с точки зрения удобства, является большим шагом назад – раньше я жил с двумя другими заключенными в слабо охраняемой палате, похожей на общежитие. Но я все-таки еще жив.

Лежа на нижней койке, я вижу, как у камеры останавливается охранник, который угрожал мне ножом. Ухмыляясь, он держит в одной руке винтовку, а в другой – стакан с домашним вином и смотрит молча, будто я животное в трогательном зоопарке.

Я бы поблагодарил его за такой проявленный интерес ко мне, но, думаю, шутку он не оценит. Так что лучше не злить моих похитителей.

Вместо этого я таращусь на днище верхней полки и думаю, что, по странному стечению обстоятельств, я теперь последний заключенный Федерального Исправительного Учреждения Эджфилд – места, откуда я мог легко сбежать. Но теперь меня убьют мои бывшие сокамерники, а если не они, то это сделает Долгая Зима.

Возможно, эту сторону человеческой природы я пока так

и не понял.

9

Эмма

Представьте себе игру в дартс, ставка в которой – ваша жизнь. Да, и мишень двигается, а дротик – это вы.

Вот на что это похоже.

Капсула покачивается из стороны в сторону, маневровые двигатели то и дело корректируют ее местоположение.

«ПРЫГАЙ», – гласило послание.

Логику я понимаю: нужно отстегнуть себя от МКС и запрыгнуть внутрь капсулы. При этом ближе ее подвести невозможно – одно неверное движение, и меня или размажет между остатками станции и бортом спасательного судна, или разорвет напополам, или парализует.

Смысл в том, чтобы отстегнуться от МКС и совершить прыжок максимально быстро. Назовем это «вариант дротика». Если я промахнусь, то просто улечу в космос. Мои соотечественники так установили капсулу, что я нахожусь между ней и Землей, так что если промахнусь, то хотя бы не сгорю в атмосфере. Хотя вариант этот – так себе.

Не желая становиться дротиком, я выбираю другой вариант. Назовем его «умным»: вместо того чтобы улететь в черноту космоса, я встречаюсь с капсулой на полпути.

Я отцепляюсь от обломка МКС, мягко отталкиваюсь и от-

правляюсь в свободный космический полет, дюйм за дюймом приближаясь к капсуле. Должна сказать, что состояние довольно беспомощное: как будто идешь по канату без страховочной сетки под тобой.

Капсула все ближе и из-за постоянных выхлопов маневровых двигателей похожа на подкрадывающегося дракона. Огненные струи ускорителей выстреливают все чаще, и я буквально вижу, как человек в центре управления, пытающийся дистанционно удержать эту махину, обливается потом. Как и я.

Двадцать футов.

Курс точен.

Пятнадцать.

Меня сносит влево.

Десять.

Слишком мимо. Я могу ухватиться за край и втянуть себя внутрь.

Расстояние еще больше, и я теперь разве что слегка задену борт, но двигатели вспыхивают ярче, чем прежде, и капсула бросается мне навстречу.

Все происходит за секунду: меня захватывает рот стыковочного узла, и я падаю на пол уже внутри капсулы.

Вокруг белые стены, к которым пристегнуты инструменты, а вместе с ними – огромная табличка, на которой от руки написано следующее:

ОТ ТВОИХ ДРУЗЕЙ

НА ЗЕМЛЕ С ЛЮБОВЬЮ

На какой-то момент я замираю, а потом меня сотрясают рыдания. Впервые с момента аварии на МКС я думаю, что выживу.

Джеймс

Этой ночью они празднуют, и Федеральную Тюрьму Эджфилд я такой никогда не видел. Орет музыка, вооруженные до зубов заключенные пьют, дерутся или играют в карты и кости. Они выгребли из столовой все, что нашли, и теперь пол завален мусором. Эти люди большую часть своей взрослой жизни находились в камерах, и наконец-то они почувствовали себя беззаботными.

Но к утру все были мертвы.

Я понял это, потому что стало слишком тихо. Звуки пропали перед самым рассветом, и я даже встал с койки, поскольку, честно говоря, был уверен, что это моя последняя ночь на Земле, и хотел умереть стоя. Однако за мной никто не пришел. Видимо, они думали, что для этого у них впереди полно времени, но к счастью для меня – они ошиблись.

Солнце уже взошло, и со своей койки я видел, что двор усыпан телами. Они не были застрелены снайперами или взяты штурмом, а просто умерли. Что бы там ни убило их, меня оно не тронуло. По крайней мере, пока.

Шаги эхом отдаются в пустой тюрьме. Еле слышное «тук-тук-тук» переходит в рокот, и то и дело слышен хор голосов, подхватывающих друг за другом: «Все чисто!»

Пододошедшие к моей камере солдаты одеты в защитные халаты и резиновые перчатки. Я тут же вспоминаю, что гвардеец, демонстрировавший работоспособность оружия во время обмена, тоже был в перчатках.

Тогда все сходится – оружие отравлено. Что ж, я впечатлен.

Солдаты отходят в сторону, уступая место высокому человеку с коротко стриженными волосами в темно-синем костюме. Первое, что пришло мне в голову – федеральный агент.

– Доктор Синклер, мы бы хотели поговорить с вами.

Я пожимаю плечами.

– Ну, вам повезло. Я как раз только что зашел в мой офис.

– Приведите его, – бросает он охранникам, и те через решетку дают мне халат и перчатки.

Да, определенно – на оружии яд. Они боятся, что он уже разнесен по всей тюрьме и я могу получить свою дозу отравления.

Значит, я нужен им живым. Это уже что-то.

* * *

Еще утром я был последним узником Эджфилда, а теперь я единственный, кто вышел отсюда живым.

Повертев головой, я ищу глазами Педро, но его нигде не видно.

Меня подводят к фургону, возле которого уже ждет федеральный агент. Рядом с ним стоит бородатый седовласый мужчина, чьи глаза можно назвать добрыми – я знаю его и уважаю, несмотря на то что мы никогда не встречались. Не могу даже представить, как он тут оказался, а ведь у меня довольно богатое воображение.

– Снимите халат и перчатки, – обращается Агент ко мне.

Как только я избавляюсь от них, сразу же следует вопрос охранника:

– Нам надеть на него наручники?

В ответ Агент выдавливая из себя кривую усмешку.

– Не, он ведь не из таких преступников, не так ли, Док?

– Некоторые меня вообще не считают таковым. Скорее – человеком, опередившим свое время.

– Ну, у меня не так много этого самого времени, так что заходи.

Внутри фургона остаемся только Агент, второй мужчина и я.

– Доктор Синклер, я Рэймонд Ларсон, заместитель генерального адъютанта, – представляется он, и у себя в голове я его сразу повышаю до Важного Агента.

– Это доктор Лоренс Фаулер... – указывает он на второго мужчину.

– Директор НАСА, я знаю, – перебиваю я его, глядя Фаулеру в глаза. – Несмотря на обстоятельства, я рад знакомству, сэр. Еще будучи в Калтехе, я следил за вашими рабо-

тами.

При этих словах его глаза загораются.

– Правда?

Его голос звучит еще более глухо, чем на видео с последней конференции, которое я смотрел. Это было четыре года назад, и они определенно не прошли мимо него. Время и нервное напряжение сделали свое дело.

– Да. Ваше альтернативное исследование топлива для ракетных двигателей стоит отдельно...

Подняв руку, Ларсон заставляет меня умолкнуть.

– Так, достаточно. Давайте к делу. Если вы такой умный, как о вас говорят, то почему бы вам не рассказать, зачем мы тут? – усмехается он.

– Потому что вам что-то от меня нужно, – пожимаю я плечами. – Точнее, вы собираетесь помиловать меня, освободить из-под стражи взамен на мое сотрудничество. В противном случае вы будете угрожать, скорее всего, отправить меня в другую тюрьму, заключенные которой будут знать, что я единственный выжил в Эджфилдском бунте. Меня сочтут предателем, по чьей вине умерли мои друзья-преступники. Чтобы избежать судебного разбирательства и одновременно обеспечить защиту, надзиратель посадит меня в карцер до тех пор, пока у меня не кончатся силы. После этого я отправлю запрос о досрочном освобождении, но, стоит мне выйти оттуда, – я буду мертв через пару дней.

Ларсон действительно выглядит впечатленным и достает

из кармана пиджака свернутый пополам листок бумаги. Бросив взгляд на Фаулера и получив в ответ короткий кивок, он кладет развернутый листок передо мной.

Думал, это займет больше времени.

Полное Президентское Помилование.

Возможно только при условии одобрения Министерством юстиции, НАСА, а также любыми органами государственной власти и физическими лицами, исполняющими их обязанности.

Период сотрудничества не имеет даты окончания.

Никаких компенсаций и вознаграждений не предусмотрено.

Я ставлю свою подпись, после чего листок складывается и исчезает все в том же кармане агентского пиджака.

– А можно мне расписку или копию?

– Нет.

– Так... когда мне приступать?

Как я и думал, теперь выход Фаулера. Свой ноутбук и рот он открывает одновременно.

– Боюсь, начинать нужно прямо сейчас. Время на исходе, доктор Синклер.

– Зовите меня Джеймс.

– Хорошо, Джеймс. Сейчас я расскажу вам самую охраняемую тайну в мире.

Как же мне сейчас хочется отпустить какую-нибудь колкость. С самых ранних лет сарказм был моей защитой от ми-

ра, который, похоже, или не понимал, или не любил меня. Со временем это просто стало моим способом общения. Сарказм позволял мне ни с кем не сближаться, а значит, не было и травм от расставаний. Но сейчас, сам не знаю почему, я держу язык за зубами. Может быть, потому, что, несмотря на чересчур уж драматичную презентацию, я знаю, что услышанное мной будет действительно важным. А может потому, что Лоренс Фаулер такого отношения не заслуживает. Я нахожусь рядом с ним всего лишь пять минут, но уже чувствую, что знаю его, а также то, зачем он здесь. Это явно не игра в политику – Лоренс здесь по какой-то явно хорошей причине. А еще он напоминает мне дедушку.

– Как вы знаете, – начал Фаулер, одновременно что-то набирая на компьютере, – Долгая Зима является самой большой угрозой человеческому существованию в истории. В Национальном управлении по исследованиям океанов и атмосферы рвут на себе волосы, пытаюсь понять, почему это вообще происходит. Короче говоря – от них пользы никакой. Знаете, почему?

– Потому что не учитывались переменные факторы.

– Абсолютно верно, – кивает он. – Перед НАСА была поставлена задача их обнаружить. Около года назад мы запустили в космос несколько зондов с целью измерить солнечную радиацию. И то, что мы обнаружили, нас шокировало.

На экране его компьютера вспыхивает интерактивная трехмерная модель Земли, окруженной зондами. Под каж-

дым из них указано какое-то число – думаю, зафиксированный уровень радиации; но тогда откуда такой разброс значений? Излучение у Солнца, конечно, не такое однородное, как у лампочки, но все же оно более однородно, чем то, что я вижу сейчас. До поверхности Земли радиации доходит гораздо меньше, чем показывают ее измерения в космосе вокруг планеты.

Надо сказать, достаточно наглядное представление.

Губы пересохли, и я бы сказал: это невозможно! – но увиденные мной данные говорят об обратном. Это слишком странно, чтобы являться природным феноменом, и, похоже, от таких новостей меня стошнит. Ведь это явление может иметь внеземное происхождение. Раз так, то это действительно конец человеческой расы – иного смысла быть не может. Вид существ, который обладает силами, способными сотворить такое, может смести нас с лица Земли триллионом различных способов, а мы не настолько развиты, чтобы их себе вообразить.

– Не сомневаюсь, вы поняли, что это означает. – По моему выражению лица Фаулера все понятно.

Сделав паузу, он как бы ждет моей реакции.

– Пока мы искали способ получить эти данные, правительства разных стран искали способ справиться с Долгой Зимой. Наиболее перспективным, а точнее сказать, наиболее «популярным» было усиление парникового эффекта. Можно было бы разогреть планету, чтобы компенсировать сни-

жившийся уровень радиации. Предлагалось много способов – один невероятнее другого: от подземных колоний и источников геотермальной энергии до изменения орбиты Земли. – Лоренс замечает мое удивление. – Как я и сказал – одно невероятнее другого. Но как бы там ни было, полученные данные изменили все. Не придавая это огласке, четыре месяца назад мы запустили вторую – значительно большую – группу зондов, оснащенных более точными датчиками для проверки данных. Они стали удаляться вглубь Солнечной системы.

Тут Фаулер поднимает глаза на меня и Ларсона, как бы проверяя, готовы ли мы услышать главное.

– И вот что они обнаружили.

На экране включается видеофрагмент: черная точка на фоне горящего Солнца, которая постепенно увеличивается, принимает форму продолговатого объекта, а затем мерцает секунду или две, прежде чем видео обрывается.

Судя по тому, что у Ларсона отвисла челюсть, он узнал это только что, так же как и я. Раньше ему это было не нужно.

Я же хоть и не знал, к чему это все приведет, но после данных, полученных с зондов, я ждал чего-то подобного. Мозг просто переполнен вопросами, и, похоже, Фаулер к этому готов.

– Сколько подобных артефактов вы обнаружили?

– Один.

– Он заметил отправленный НАСА зонд?

– Да.

– Реакция?

– Зонд уничтожен.

Я оцепенел, а в голове замелькали яркие картинки. Агент Ларсон наконец смог вымолвить хоть слово, точнее, целых семь – и все без толку:

– Эй, что это, черт возьми, такое?

– Пожалуйста, потише, мистер Ларсон. – Фаулер не сводит с меня глаз.

– Они предприняли какие-то действия после уничтожения зонда? – спрашиваю я.

– Возможно. Но мы не уверены.

– В каком смысле?

– Зонды отсылали информацию на МКС, которая минутой позже была уничтожена какой-то солнечной активностью, как, впрочем, и все спутники на орбите.

– Думаете, они старались предотвратить передачу данных?

– Это наша рабочая версия.

– А что стало с командой МКС?

Лицо Фаулера искажает болезненная гримаса, и он отворачивается.

– Они погибли при атаке. Все, кроме одной – она все еще там. Мы пытаемся ее спасти, но не уверены, что получится.

Не желая заострять сейчас внимание Фаулера на этом, я киваю, чтобы он продолжал.

– Что вам еще известно?

– На данный момент больше ничего.

Я начинаю прокручивать в голове возможные сценарии и понимаю, что часть населения будет пытаться спастись, распевая «Аве Мария». Проблема только одна – слишком мало данных. Нам нужно четко понимать, с чем мы имеем дело.

Ларсон только в замешательстве трясет головой.

– Кто-нибудь вообще объяснит мне, в чем дело?

Я спрашиваю Фаулера только взглядом: *вы хотите сказать ему?*

Он отворачивается, что означает: *Скажешь сам, по-своему. Он это заслужил.*

– Мистер Ларсон, мы не одиноки во Вселенной. А самая страшная часть состоит в том, что, кто бы там ни был, он либо не хочет вступать с нами в контакт, либо хочет нас убить.

11

Эмма

Наконец успокоившись, я разбираю запасы в капсуле. Здесь есть еда, вода и даже аптечка. Один из углов отсека буквально забит коробками, и когда я понимаю, что в них, то с трудом удерживаюсь от того, чтобы не заплакать опять. Это SAFER для моего скафандра (обычно называемого Костюм для Открытого Космоса или КОК). SAFER означает «simplified aid for extravehicular activity rescue»⁵. Он крепится на спине костюма и имеет в себе несколько маленьких ускорителей, помогающих человеку-дротику улететь от разрушенной станции в ситуации, которая, как мы поняли, иногда все-таки происходит.

Под первой надписью на стене есть и вторая:

Надень костюм.

Для связи используй терминал.

Зачем им нужно, чтобы я его надела? Я ведь могу герметизировать отсек. Или то, что разрушило МКС, еще не закончилось и сохранность капсулы под угрозой?

Я снимаю защитную панель, закрывающую терминал, и

---

⁵ Простейший набор для спасения в открытом космосе (англ.).

экран сразу же загорается. Пользоваться клавиатурой в перчатках невозможно — слишком уж толстые пальцы — но они это предусмотрели, и возле стены свободно плавает привязанный стилус. Он тянется ко мне, будто Чужой с другой планеты. Я беру его в руку, как только на черном экране появляется белая строчка сообщения, подобно командной строке в ДОС или ЮНИКС-системе:

Рады видеть вас, командир Мэтьюс.

Покрутив головой, я замечаю маленький черный глазок камеры в самом углу отсека и с улыбкой машу в ответ рукой.

Как самочувствие?

Писать стилусом, как выясняется, не очень удобно, но с каждой набранной буквой это дается мне все легче.

Не жалуюсь.

А если честно?

Интересно, кто там на другом конце? Явно кто-то, знающий меня очень хорошо. Что ж, начну с самого важного:

Легкая кессонная болезнь. Синяки.

И я сразу задаю вопрос, ответ на который мне действительно хочется знать:

Что с командой?

В ответ тишина – не очень хороший знак, а я слишком нервничаю, чтобы ждать.

Капсулы «Союз» добрались?

Мне жаль, ни одна не уцелела.

Эти слова падают, подобно молоту. На какое-то время я вообще не могу сфокусироваться, чувствуя, что вот-вот поплывут слезы, и все не свожу глаз со строчки на экране. *Ни одна не уцелела.* Они все мертвы, я должна...

Вы ничего не могли сделать, командир. Ничего. Станция разрушилась за секунды, и никто бы не успел спастись. Мы рады, что вы остались живы.

Не знаю, как отвечать на это, просто не знаю. Поэтому сразу задаю следующий вопрос:

Вы получили изображение с зонда?

Да.

Что это?

Снова тишина. Интересно – почему. Я набираю пять букв, которые еще вчера казались невероятными.

Чужие?

Пока не знаем. Обсудим, когда будет какая-нибудь информация.

Что это значит?

Какой у нас план?

Мы пока работаем над ним. Пока вы должны оставаться на орбите.

Почему?

Нужно обеспечить ваше безопасное возвращение.

Снова тайны. Если они боятся, что капсула развалится так же, как МКС, так тем более должны вернуть ее назад как можно скорее. Что там у них происходит внизу?

Кессонная болезнь начала проходить, но голова еще как в тумане. Я пытаюсь собраться и решить, какой сделать следующий шаг. Домой вернуться нельзя, станция разрушена,

и капсулами «Союз» не воспользоваться — что дальше?

Другие спасишеся. Я должна их найти, на всякий случай.
Поэтому я снова возвращаюсь к клавиатуре и начинаю быстро печатать.

Вы проверяли обломки в поисках других выживших?

Да, и пока ничего не нашли.

Я сама хочу проверить.

И снова в ответ тишина, так что я повторяю:

Пожалуйста.

Похоже, на Земле сопоставляют риск и пользу от этого предприятия.

Невозможно.

Почему?

Вследствие того космического явления все спутники вышли из строя.

Без спутников они могут контролировать капсулу до тех

пор, пока она находится в прямом видении одной из наземных станций. Должно быть, они запрограммировали ее на выход на геостационарную орбиту, управляя ею со станции (основываясь на том, что я вижу из иллюминатора) в Северной Америке.

Я могу управлять капсулой в тот момент, когда вы не сможете. Пожалуйста, мне нужно все проверить.

Ждите ответа, командир.

В этот раз я жду очень долго и уже начинаю придумывать контраргументы на случай, если они скажут «нет». Я уже готова ответить, когда на экране появляется следующее сообщение:

Направляйтесь к обломкам МКС для проведения исследований. Отправляем вам карту и расписание переключения между удаленным и ручным управлением капсулой.

На экране появляется изображение Земли, окруженной кольцами атмосферы. Отдельно подсвечены мелкие обломки МКС, которые, судя по схеме, закрывают собой почти все полушарие. Некоторые находятся ближе к нижним слоям атмосферы, а некоторые – наоборот. Кто бы ни составлял этот план спасения, он сделал это максимально точно: предполагалось сперва проверить обломки на нижних орбитах, пото-

му что они быстрее сгорят при падении на планету.

На экране начался обратный отсчет:

**ПЕРЕХОД НА РУЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ЧЕРЕЗ:**

15:28

15:27

15:26

И всего одна строка сообщения:

УДАЧИ, КОМАНДИР.

Взглянув в иллюминатор, я вижу, как капсула разворачивается по направлению к первым отмеченным к проверке обломкам.

* * *

Мы проверили три четверти обломков и большинство из них – на снижающейся орбите.

Ничего.

Сейчас капсула на ручном управлении, и надо сказать, что делать это в перчатках довольно неудобно, но вполне возможно. Судя по всему, особая точность мне тут не нужна.

Следующая группа мусора – самая большая, оставшаяся после крушения. С каждой секундой она все ближе, и я уже могу различить Европейский Роботизированный Манипулятор, все еще закрепленный на многофункциональном науч-

ном модуле «Наука». Чуть подальше видны отсоединенные сервисный модуль «Звезда» и модуль «Поиск». С «Наукой» они соединялись посредством стыковочного отсека «Пирс», но его что-то нигде не видно.

Пустив аппарат по большой дуге, я оглядываю обломки, больше похожие на банки содовой, по которым выстрелили из пневматического ружья. Внезапно, через пробоину в борту я замечаю что-то, похожее на человеческую руку.

Похолодев, я сразу же задумываюсь: может, я просто мало спала и теперь у меня галлюцинации? Или это просто еще один кусок мусора, который похож на человеческую руку?

Я разворачиваю капсулу и стараюсь подлететь поближе к обломкам и выровнять иллюминатор и отверстие в борту, чтобы заглянуть внутрь.

Не знаю, я смеюсь, плачу или и то и другое вместе, но я вижу не просто руку, а целого человека в российском скафандре «Орлан», прикрепленного к станции. Он смотрит на меня и тихо говорит: «Меня уже можно спасти».

Именно это я и собираюсь сделать.

12

Джеймс

У меня уже долгое время есть ощущение, что Ларсон свалится в обморок. Он весь бледный, его шатает, и, чтобы хоть как-то сохранить равновесие, он упирается руками в стену и оглядывается, как будто слышит голоса в своей голове.

Пока он пытается как-то все уложить в своей голове, я думаю над другой проблемой: зачем я тут?

В школе мне больше всего нравилась биология и инженерная механика. Я получил докторскую степень по биомедицинской инженерии одновременно с дипломом об окончании докторантуры в медицинском университете. Но медициной я никогда не занимался и никогда не входил в штат врачей. Я начал создавать вещи, а несколько лет назад сделал то, из-за чего и попал в тюрьму, заставив все человечество избегать меня. Но жизнь повернулась таким образом, что теперь, столкнувшись с угрозой вымирания, они сами обратились ко мне. Может быть, им тоже нужно что-то построить?

Фаулер смотрит на меня в упор. После моего разговора с Ларсоном руководитель НАСА хранит молчание.

— Вам нужно, чтобы я что-то построил.

— Возможно. — Он говорит почти шепотом.

— Но вам нужно больше данных, прежде чем вы решите,

что делать.

– В точку.

– Вы ведь собираетесь отправиться *туда*, не так ли?

– Да. *Вы* собираетесь. Вы – лучшее, что у нас есть.

– Вы хотите, чтобы я выяснил – что это, из чего это сделано, его сильные и слабые стороны. Вам нужно, чтобы я понял, как их остановить.

– Такова задача.

У меня кружится голова.

– Когда? Какой план?

– Запуск менее чем через тридцать часов.

– Да вы шутите. Стоп, вы серьезно? Вы хотите отправить меня в космос в ближайшие тридцать часов?

– Да. Вопросами, связанными с космическим путешествием, займутся другие люди. Ваша цель – артефакт. Эта миссия уже какое-то время разрабатывается, но пока мы все еще не понимаем, что нам делать, а точнее – что искать.

Я стараюсь связать воедино все детали: какие вопросы задать, какие темы затронуть, на что обратить внимание. Первое – самое важное.

– Если что-то уничтожило МКС, то они собьют нас, как только мы выйдем из атмосферы.

– Да, мы предполагаем такое развитие событий.

Фаулер нажимает кнопку, и на экране запускается симуляция. Ракеты взлетают из четырех различных точек планеты, затем вторая группа, третья, четвертая. Я насчитал семь

запусков – двадцать восемь ракет. От них отстыковываются сегменты и начинают маневрировать на разных высотах на орбите Земли. Невидимая сила отбрасывает их, как ветер сдувает песок, а планета продолжает свое движение, оставляя их позади.

Когда Земля на симуляции уменьшается до размеров точки, отстыкованные сегменты соединяются вместе, образуя два космических корабля. Они довольно уродливые: длинный цилиндр, от которого во всех направлениях отходят модули, – похоже на огромную средневековую булаву. Корабли начинают движение по направлению к Солнцу, где встречаются с артефактом.

И тысячи слов не хватит, чтобы объяснить всю симуляцию, но я должен быть уверен, что понял все правильно. От этого зависит моя жизнь.

– То есть вы сделаете так, чтобы запуск производил впечатление, будто бы вы хотите обновить орбитальную спутниковую сеть.

Фаулер кивнул.

– И вы дадите артефакту... – так вы его называете, верно?

– Верно.

– Вы дадите артефакту убрать спутники с орбиты, полагая, что после этого он о них забудет. Они произведут какую-то трансформацию – как всем известный Вольтрон⁶ – и

---

⁶ Вольтрон – составной гигантского робота, в которого трансформируются герои одноименного анимационного сериала, аниме и комиксов.

соединятся вместе в два корабля, после чего направятся к артефакту.

– Хотя вы и использовали образы из поп-культуры, но да, все достаточно верно.

Интересный план, но есть одна проблема.

– Артефакт уничтожил зонд, как только его увидел. Почему вы думаете, что он не сделает то же самое с кораблями?

Фаулер откидывается назад, как учитель, разговаривающий с учеником.

– А разве он уничтожил его после зрительного контакта?

– Нет, вы правы. Он уничтожил его во время передачи данных. Как будто до этого он его вообще не видел. Вроде хищника, который видит только ночью. Или, точнее – когда его жертва испускает определенный тип волн или передает данные: свет или энергию. Смысл ясен – корабли должны быть абсолютно бесшумными.

– Да.

– А как же связь?

В ответ Фаулер протягивает мне устройство размером с ладонь. Оно матовое, черного цвета, и я не вижу никаких разъемов для подключения.

– Мы называем их «коммуникационные камни». В них установлен небольшой жесткий диск и беспроводной передатчик. «Форнакс» и «Пакс» – наши корабли – отправят их к Земле, – говорит Фаулер, забирая устройство. – Они не будут передавать никаких данных, пока не достигнут поверхности.

А мы будем следить с наземных станций, морских кораблей и дронов.

План для передачи данных хорош, но, как мне кажется, ряд вопросов о миссии остался открытым.

Во-первых, объект не такой большой, чтобы блокировать часть солнечной радиации и вызвать Долгую Зиму. Возможно, он – часть гораздо большего образования или вообще влияет на планету неведомым нам способом. А может быть, артефакт тут вообще ни при чем. Впрочем, я согласен, что исследовать его все равно нужно. Это лучшее, что мы можем сейчас сделать.

Судя по строке отсчета времени и самой симуляции, до запуска остается очень мало времени – пока Земля еще вблизи артефакта. Чем ближе мы находимся, тем меньшее расстояние кораблям придется преодолеть и тем меньше топлива понадобится.

– А как вернуть команду обратно?

Фаулер отводит глаза.

– Мы еще не закончили вычисления. Вот наша лучшая идея.

На экране корабли снова разделяются на части. Снизу каждого из них сбрасывается два модуля – спасательных? При увеличении картинки можно заметить, что в каждом из них находятся три человека, значит, команда каждого корабля будет состоять из шести человек. Если на обратном пути их разделить, то шансы на спасение увеличатся.

Поначалу капсулы неподвижны, но через некоторое время начинают разгоняться, из чего я делаю вывод, что они на солнечных батареях.

Нужно детальнее взглянуть на сами корабли. Форнакс был римским богом огня (вообще, богом печи, но огонь в данном случае подходит больше). Уверен, корабль забит ядерным оружием или какой-нибудь рельсовой пушкой, а может, и тем и другим. Пакс была римской богиней мира – значит, сперва они будут пробовать наладить контакт. Но если случай с отправленным зондом хоть чему-то их научил, то артефакт уничтожит «Пакс», а «Форнакс» отправит к Земле «камень с информацией», перед тем как произвести выстрел. Те из нас, кто успеют погрузиться в спасательный модуль, смогут увидеть результаты и доложить о произошедшем.

Уверен, «Форнакс» тоже будет уничтожен.

Хороший план – так я хотя бы смогу вернуться домой. Попытка почти безнадежная, но это лучшее, что у нас есть.

Голос Фаулера звучит мрачно.

– Так мы себе представляем эту миссию. Это, конечно, не точно. Риски...

– Я знаю риски. Мне они понятны с тех пор, как я увидел артефакт, и я понимаю, о чем вы меня спрашиваете. Я в деле.

Фаулер кивает, изучая взглядом пол фургона, затем поднимается на ноги.

– Тогда нам надо ехать в Космический Центр Кеннеди. Ваш модуль будет взлетать оттуда.

– Один вопрос.

Фаулер выжидательно поднял бровь.

– Почему я?

– Ну, по правде сказать, вы не были нашим первым вариантом. – Он смотрит мне прямо в глаза. – И даже не вторым, третьим, четвертым или пятым.

Больно слышать, но я не реагирую.

– Когда мы провели эту презентацию для первой волны кандидатов, трое из них сразу же отказались. Они хотели, чтобы летели *вы*, утверждая, что они в этом случае будут оказывать необходимую поддержку.

– Почему?

– Большинство согласилось с тем, что ваше воображение шире и технический уровень выше, чем у любого ныне живущего человека. Вы думаете и принимаете решения очень быстро – иногда даже слишком. Так что если кто и может справиться с этой задачей, то это вы. Когда они поняли, что на карту поставлены их жизни и жизни их родственников, они захотели, чтобы мы нашли вас.

– А что с двумя другими?

– Один из них согласился на работу. Он полетит на одном корабле, а вы на другом.

– А последний кандидат?

Фаулер взглянул на Ларсона, выражение лица которого было настолько вялым, что складывалось впечатление, будто бы ему только что сделали лоботомию.

– Он не смог адекватно воспринять предлагаемую информацию.

– Неудивительно. С большинством людей будет то же самое, если не хуже.

Теперь уже я взглянул на Ларсона. Он олицетворял собой то, что случится с человечеством, когда оно услышит срочный выпуск новостей и поймет, через что ему нужно пройти.

– Этот секрет... слишком большой. Его не сохранить.

– Согласен. Поэтому нам надо торопиться.

* * *

Вертолет, который увозит нас из Эджфилда, заполнен солдатами. Нет, это не Национальная гвардия, а, похоже, спецназ. Все заняты, никто не моргает и не отводит взгляд, если на них посмотреть. Рад, что они на нашей стороне.

Мы летим на юг, и под рокот вертолетных двигателей я бросаю взгляд на солнце. Никогда не видел его таким – да что там! – на целый мир я всегда смотрел по-другому: жизнь, Солнечная система, Вселенная. Я чувствую, что перешел Рубикон и все уже не будет так, как прежде.

По необъяснимым причинам я хочу только одного: помириться с человеком, который для меня важнее всего – со своим братом.

Я включаю свою гарнитуру и обращаюсь к Фаулеру:

– У меня есть просьба.

Внезапно оборачивается Ларсон, у которого с момента выхода из фургона наконец-то прошли последствия лоботомии, и он вернулся к своему обычному поведению бойцовской собаки.

– У вас нет права на просьбу. Это было условием до...

– В чем дело, Джеймс?

– У меня есть брат. А у него жена и сын.

Фаулер кивает, поднимает глаза и неожиданно произносит:

– А теперь еще и дочь – ей десять месяцев.

– Да. И я хотел бы, чтобы у них было место в обитаемой зоне.

– Невозможно, – тут же рявкает Ларсон.

– Сделаем, – тихо произносит Фаулер.

– Он живет в Атланте.

– Шесть месяцев назад они переехали в пригород Чарльстона, Маунт Плезант, – похоже, директор НАСА помнит досе наизусть.

Я впечатлен.

– И это как раз по пути на мыс Канаверал.

Фаулер медленно кивает, а Ларсон смотрит на меня с ненавистью:

– Да вы, должно быть, шутите!

Я не отвожу взгляд.

– Слушайте, я понимаю, что вы так торопитесь, что даже не взяли и половины вещей из фургона, но дело в том, что

сегодня ночью я беру билет в один конец. Мой брат – моя единственная семья, и я хочу их увидеть хотя бы на пару минут. Чтобы извиниться и только.

– Договоритесь обо всем, Ларсон, – перебивает меня Фаулер. – Давайте быстрее, Джеймс. Время – это роскошь, которой у нас нет.

* * *

О том, что мы находимся по соседству с домом Алекса, я понял, пока вертолет еще даже не успел приземлиться. Квартал построен недавно, сетка дорог спланирована настолько точно, что используется каждый квадратный дюйм. Все дома выстроены четкими рядами, и у каждого – безукоризненно ухоженный дворик. Все подчинено правилам, ничего неожиданного, кроме, разве что, ожидаемого неожиданного. В этом весь мой брат: порядок, чистота, ожидаемые встречи.

Мы с ним выросли совершенно разными. Каждый добился значительных успехов в своей области, всегда выбирая обособленный путь просто потому, чтобы противопоставить себя другому.

Я с восхищением смотрю, как огромный вертолет садится на идеально подстриженный газон. Похоже, на собрании жильцов этому будет посвящено отдельное обсуждение.

Последний раз я видел Алекса еще до суда. У самой двери его дома на меня накатывает волна нервного напряжения,

поэтому я деликатно стучу в дверь вместо того, чтобы звонить. Разбудить десятимесячного ребенка – не самый лучший вариант для начала такого краткосрочного воссоединения.

Его жена Эбби открывает дверь, даже не посмотрев предварительно в глазок. Я рад, но похоже на то, что у них в районе так принято. В любом случае меня она видеть не рада. Улыбку смыло с ее лица, и она даже чуть не выронила из рук ребенка, который, судя по всему, понял, что что-то не так, и начал ерзать.

– Что ты тут делаешь? Подожди, это твой вертолет? Ты в своем уме?! Ты что, сбежал? Я звоню в...

– Меня освободили, Эбби. По...эм... программе освобождения из-под стражи за выполнение работы.

Она стоит, оцепенев.

– И да, это и правда мой вертолет. Прости за испорченную лужайку, но у меня отобрали права, когда меня закрыли. Я имею в виду, кому сейчас вообще нужны машины...

– Что тебе нужно, Джеймс? Зачем ты приехал?

Прежде чем я успеваю ответить, по лестнице с грохотом спускается мальчик лет шести и двое его друзей. Уже на полпути он кричит:

– Мам, можно я пойду к Нэтану? – И, предвидя отказ, добавляет: – Пожаааалуйста!

В тот же момент он замирает, увидев меня, и как будто пытается вспомнить мое лицо, но потом мы оба широко улы-

баемся.

– Дядя Джеймс!

– Привет, тигр.

– Папа сказал, что ты в тюрьме.

– Я был там, но сбежал, чтобы увидеться с тобой.

– Серьезно? – спрашивает он, выпучив глаза.

– Нет.

Наконец Эбби поворачивается к нему и указывает рукой на второй этаж.

– Наверх, Джек. Сейчас же.

– Мам...

– Я не шучу – прямо сейчас.

И потом говорит, снова повернувшись ко мне:

– Не приходи сюда. – После чего пытается закрыть дверь, но я успеваю подставить ногу в проем.

– Я хочу его увидеть. Мне это нужно, Эбби. Я хочу просто поговорить.

– А ты думаешь, он хочет говорить с тобой? Ты думаешь, что можешь сказать что-то, чтобы все исправить? Ты хоть знаешь, что ты с ним сделал? Вообще догадываешься?

– Послушай, он не обязан говорить со мной – пусть просто... выслушает. Я хочу... мне нужно кое-что ему сказать.

Она дергает головой, и злость в голосе сменяется раздраженностью.

– Его нет дома.

– А где он?

– Работает.

– В городе?

– На конвенции.

– Где?

Она подозрительно щурит глаза.

– Я тебе не скажу, даже если будет конец света.

И тут против своей воли я смеюсь. Где-то за моей спиной раздается голос Ларсона. Его грубый высокомерный тон исчез.

– Доктор Синклер, мы уже опаздываем из-за этой встречи.

– Ты скажешь ему, что я приходил, Эбби?

– Если ты появишься тут еще раз, я вызову полицию.

И она хлопает дверью так, что звенит стекло.

– Вы все еще хотите перевести их в обитаемую зону? – спрашивает Ларсон, поравнявшись со мной, пока мы идем назад к вертолету.

– Да. Они – моя семья.

13

Эмма

Хотя у меня нет связи с поверхностью, я все равно напишу сообщение, что обнаружила выжившего, сообщу им его местоположение и скажу, что собираюсь его спасти. Сообщение отправится, как только капсула восстановит связь с Землей, к тому моменту у меня самой могут быть заняты руки.

Пристыковать капсулу к обломку МКС – та еще задача. Хорошая новость в том, что шлюз сохранился в целости, а плохая – я генетик, а не пилот, так что мои летчицкие способности далеко не самые лучшие в истории космонавтики. Но меня этому учили, так что постараюсь пристыковаться за три попытки – как на занятиях.

На всем протяжении самой небрежной стыковки, которую видела Международная космическая станция, я смотрю в иллюминатор, и меня пугает то, чего я не вижу: моего товарища по команде. Безусловно, человек в скафандре – если это был он – почувствовал, что стыковка прошла удачно, и со своей стороны заблокировал замок шлюза, чтобы предотвратить рассоединение. Но при этом никто не посмотрел в иллюминатор, не помахал мне рукой и не поприветствовал меня.

Подобные мысли надо гнать прочь. Может, он прижат к

стене или без сознания. Найдется тысяча причин, по которой никого не оказалось у зоны стыковки – так я сказала себе, открыв воздушный замок и перелетая внутрь модуля МКС.

Российский скафандр «Орлан» висит внутри совершенно безмятежно. Я легко могу видеть свое отражение в визоре, и моя надежда разбивается вдребезги, как только я касаюсь руки костюма – пальцы легко сжимают его до середины. Скафандр без давления, а сама рука внутри очень твердая и тонкая. В моих толстых перчатках я ощущаю ее как зубочистку.

Проверив костюм, я замечаю разрыв на правом бедре, а за его спиной – дыра в стене модуля и чернота космоса. Один из обломков проткнул станцию и прошел через костюм. Кислород вышел мгновенно, а вакуум высосал каждую молекулу воды из тела моего напарника. Хорошо, что мой скафандр не пострадал, потому что я, если так можно выразиться, была с наветренной стороны. Все, кто находился с другой стороны станции, попали под душ из обломков.

Я замираю на долгое время, держа костюм за предплечье. Такое чувство, что мой мозг никак не может это переварить. Когда я увидела скафандр... Я была так уверена в том, что будет дальше: я спасаю этого человека, теперь я не одна, мы обнимаемся, улыбаемся друг другу и плачем, когда капсула приземляется.

Ничего этого уже не будет.

Как будто мне открылась новая реальность, но я ее не приняла – меня вернул в мою реальность толчок снаружи по сте-

не модуля. Потом еще один. И еще, как ливень, барабанивший по металлической крыше. Вторая группа обломков сталкивается с этой.

Глаза сами фокусируются на дырке в костюме напарника. Мне нужно убираться отсюда. Прямо сейчас.

Я понимаю, что должна сломать воздушный замок и оставить российский скафандр и того, кто в нем находится, здесь. Но я не могу... просто не могу.

Отвязав скафандр, я тащу его за собой к капсуле. Грохот обломков по обшивке нарастает, звучат фанфары, целый оркестр разрушения вокруг меня. Я уже внутри шлюза, а снаружи настоящий ураган.

Очень быстро я отстыковываюсь от МКС, закрываю шлюз и, дав максимальный импульс, удаляюсь от наступающего облака обломков.

По мере того как капсула отходит все дальше от остатков МКС, стук по обшивке становится все тише: сперва похоже на дождь, потом на песчаную бурю, и, наконец, ничего. Сквозь иллюминатор я вижу, как отрываются новые части станции. Большие куски цепляются друг за друга, а маленькие – легко проходят насквозь.

Если бы связь с поверхностью не разрывалась, то меня бы предупредили о приближающемся облаке обломков, и весь процесс входа и выхода я бы проделала быстрее. Надо взять себя в руки.

Эмма, соберись.

Взглянув на скафандр «Орлан», я думаю, что в капсуле давление такое же, как было в разрушенном отсеке, так что нет ничего плохого в том, что я посмотрю, кто внутри.

Я отстегиваю шлем.

Сергей.

Он поступил умно, надев скафандр. Уверена, что он сделал это, как только разрушилась солнечная батарея. Надо было мне сразу отдать такой приказ или эвакуироваться на капсулах «Союз».

Если я не перестану думать об этом, эти мысли убьют меня, как невыявленный рак. Чувство вины имеет свойство расти, будучи оставленным без внимания.

Нужно сосредоточиться на задании и делать все постепенно. Мой разум, сама способность думать – это все, что составляет меня жить.

Я беру стилус и пишу сообщение на Землю.

Через несколько часов поиски наконец-то закончены.

Не осталось ничего: ни выживших, ни других скафандров.

Похоже, выжила только я.

Я сейчас над Северной Америкой, несколько станций в прямой видимости – самое время написать и отправить отчет. Как я и ожидала, ответ приходит быстро.

**Понятно. Производим герметизацию капсулы.
Ожидайте.**

Зачем им герметизация? Я думала, они запустят процеду-

ру возвращения и вернут меня домой. Или они думают, что кессонная болезнь требует сиюминутного вмешательства? Я бы предпочла оказаться на Земле и уже начинаю писать сообщение, когда на экране появляются следующие строчки:

Давление в капсуле выровнено с давлением в скафандре. Пожалуйста, снимите шлем, и мы начнем лечение декомпрессионной болезни.

Сняв шлем и вдохнув, я понимаю, что в воздухе вокруг чистый кислород (ну или почти). Для справки, в земном воздухе его всего двадцать один процент, а если убрать еще и весь азот, то можно лечить кессонную болезнь. Те, кто сейчас дистанционно управляют капсулой, будут постепенно поднимать давление, заставляя растворяться пузырьки воздуха в крови, чтобы я снова стала, если так можно выразиться, «содовой без газа».

Почему-то именно сейчас я ощущаю сильнейший голод и жажду. С того самого момента как станция разрушилась, мне было настолько страшно, что я совершенно забыла, насколько голодна. Постоянный страх смерти – это лучшая программа по снижению веса.

Поэтому сейчас я ем и пью воду большими глотками. Кстати, с последним надо бы притормозить, потому что подходящей ванной комнаты тут что-то не наблюдается. Увидев, что мне в капсулу положили запас подгузников, я быстро выбираюсь из скафандра и надеваю один из них – просто на всякий случай.

Я глубоко вздыхаю – давление поднимается, дышать становится легче, и я вдруг понимаю, насколько устала.

Сейчас я просто хочу оказаться дома. Отправляясь в космос, я была невероятно рада, но сейчас хочу наконец-то ступить на землю и вдохнуть настоящий воздух, а не местный стерильный и синтетический.

Неожиданно из коммуникатора в отсеке эхом раздается мужской голос с массачусетским акцентом, который сразу напоминает мне объявления в JFK⁷

– Феникс, это Годдард, как слышите?

– Я тут, Годдард. Рада вас слышать.

– Взаимно, командир.

Прикончив бутылку с водой, я, наконец, задаю вопрос, который давно крутится у меня в мозгу:

– Так какой план?

– Мы еще работаем над ним. Сейчас нам нужно, чтобы вы подсоединили свой скафандр к капсуле. Разъемы для кислорода и подачи энергии такие же, как на МКС; и рекомендуем вам заменить отработанные баки с горючим.

Что? Звучит так, как будто я не скоро вернусь домой.

– Хорошо, – отвечаю я. – Когда планируете вернуть меня домой?

– Да... Пока не могу вам сказать.

– Почему? Что происходит? Шторм, разрушивший МКС, ударил и по Земле?

---

⁷ Аэропорт имени Джона Кеннеди.

– Нет, мэм.

– Что-то не так с капсулой?

– Нет, командир, все в порядке. У нас просто тут, эм, руки заняты.

Заняты руки? Чем?! Планируются новые запуски? Наверное, да. Я думаю, меня не хотят возвращать, потому что сейчас у них есть человек, который смотрит за капсулой и может быстро сообщить, если что-то пойдет не так. Тем более мое возвращение могут задерживать из-за какого-то важного запуска, привязанного к конкретному времени. Да и лечение декомпрессионной болезни нужно закончить – здесь или на поверхности – как можно быстрее, чтобы не было последствий. Что ж, если моя теория верна, то все происходящее имеет смысл.

– Командир, мы делаем все возможное, чтобы вернуть вас домой

Не знаю, то ли еда сделала меня сонной, то ли тяжелый воздух, но отвечаю далеко не сразу. Когда я начинаю говорить, мой голос звучит неразборчиво:

– Что я могу сделать?

– Отдыхайте, командир Мэтьюс. И держитесь там.

Зависнув рядом со скафандром Сергея, я закрываю глаза. И меня накрывает сон.

14

Джеймс

Размер Космического центра Кеннеди превосходит все мои ожидания. Комплекс состоит из почти семи сотен зданий, разбросанных на площади в сто пятьдесят тысяч акров. Настоящий город будущего, оазис технологических чудес на побережье Флориды. Кампус кишит людьми: военные, персонал из НАСА, частные подрядчики. Для предстоящего запуска используются все средства, и все вокруг трудятся для того, чтобы он состоялся.

Одна группа из тех, кому меня передал Фаулер, проводит экспресс-курс по тому, как здесь все устроено. Вторая группа быстро прогоняет ряд тестов: от анализа крови и контроля зрения до общего анализа мочи. Наверное, результаты были в порядке, потому что больше я о них ничего не слышал.

На обеде неожиданно присутствует весь экипаж предстоящей миссии – все двенадцать человек. Мы сидим в помещении, похожем на школьный класс: семь рядов парт, стоящих полукругом и поднимающихся как трибуна стадиона. В центре – кафедра и большой экран. Я замечаю, что некоторые из присутствующих уже знакомы, потому что они пожидают друг другу руки и негромко переговариваются.

Среди моих будущих напарников я узнаю доктора Ричар-

да Чэндлера. Мы познакомились в Стэнфорде, когда я заканчивал докторантуру по биоинженерии. Он лет на двадцать старше меня и тогда уже был высокочлассным профессором. На его занятиях я превосходно показал себя и нравился ему... какое-то время. Точно не скажу, когда это прекратилось, но тогда я вообще не понимал, почему это произошло. Связь мы потеряли, но, когда начались мои проблемы с законом, он был первым, кто публично осудил меня. Его пригласили на ТВ, а следом подоспел и контракт на книгу. Вырезание меня из своей жизни стало частью его естества.

Теперь я знаю почему: когда я только начинал, он уже был ведущим экспертом биоинженерии. Сперва он видел во мне подающего надежды студента, возможно, соратника. Потом я превратился для него в мятежника, чьи идеи и уровень знаний быстро превзошли его собственные. После этого он не только перестал меня поддерживать, но и пошел дальше – он приложил все усилия, чтобы засудить меня и вернуть себе успех.

Думаю, то, как человек ведет себя, внезапно оказавшись вторым после лучшего, многое может сказать о нем самом. Он может или работать на себя, или напасть на человека впереди.

Одно я скажу с уверенностью: мнение Чэндлера обо мне с течением времени не поменялось. Он гневно смотрит на меня через всю комнату. Я замечаю, что он немного облысел, морщины в уголках глаз стали длиннее и глубже, но он все

еще тот самый Рич Чэндлер, которого я знал... после того, как мир отвернулся от меня.

– Привет.

Я оборачиваюсь и вижу, что мне протягивает руку парень азиатской внешности. По-моему, он чуть моложе меня – может, слегка за тридцать, – подтянутый, со спокойным взглядом зеленых глаз.

– Привет, я Джеймс Синклер.

Он кивает и как будто задумывается, будто это имя он уже где-то слышал или встречал. Когда он представляется, в голове уже нет бывшего энтузиазма.

– Я Мин Чжао, пилот. Имею большой опыт в починке кораблей. Два полета на МКС, сорок четыре выхода в открытый космос.

– Впечатляет. Рад знакомству.

О моих успехах он не спрашивает, значит, точно узнал меня.

Между нами вклинивается еще один человек, пожимая руку сначала мне, а затем Мину.

– Григорий Соколов. Астронавт и инженер-электрик. Специалист по реактивному движению и солнечной энергии.

Он смотрит на меня, как бы давая понять, что теперь моя очередь.

– Джеймс Синклер, доктор медицинских наук, биоинженер.

Он бросает на меня косой взгляд.

- Робототехника?
- Много отраслей. Я буду изучать артефакт.
- Чтобы понять, как его уничтожить?
- Если потребуется.
- Потребуется. Никаких «если».

Мин представляется Григорию и, как мне кажется, сообщает ему гораздо больше подробностей о себе. Не могу удержаться, чтобы не сказать пару слов о тех, кто еще знакомится друг с другом в этой комнате. Большинство из них имеют двойную специализацию, чаще всего в смежных областях. Один занимается компьютерной инженерией и разработкой аппаратного обеспечения – хотел бы я с ним работать. Второй – эксперт по лингвистике со степенью по археологии. Третий – врач, специализирующийся на повреждениях головного мозга и психологии.

Если обобщить, то можно разделить большинство присутствующих на пять групп: два пилота, два инженера, два врача, два IT-специалиста и два робототехника. Но вот последние члены команд каждого из кораблей кардинально отличаются от всех остальных, по меньшей мере внешне. Археолог-лингвист, австралийка Шарлотта Льюис. Уверен, она будет в команде «Пакс». А вот ее полная противоположность еще не представилась. Он сидит рядом с Чэндлером, откинувшись назад и оглядывая всех вокруг холодным взглядом. Загорелое худощавое лицо с резкими чертами – по нему не скажешь, сколько на самом деле этому человеку лет; несмотр-

ря на то что он коротко острижен, в висках проглядывает седина. На нем темно-синий костюм, однако у меня такое ощущение, что он ему не по размеру, как если бы его заставили так одеться только сегодня. Думаю, он военный.

– Привет, я Изуми Танака, – обращается к нему на почти идеальном английском врач-психолог азиатской внешности.

– Дэн Хэмпстед. Рад знакомству, мэм.

У него южный акцент – возможно, техасский.

– Я врач, специализирующийся на повреждениях мозга и любых других травмах головы. И еще у меня докторская степень по психологии, я изучала психологическое поведение в маленьких группах, особенно в стрессовых ситуациях и при посттравматических стрессовых расстройствах.

В ответ Хэмпстед кивает, но смотрит куда-то в сторону.

– Хорошо, в предстоящем путешествии это может пригодиться.

– А чем вы занимаетесь?

– Я служу в военно-воздушных войсках США.

Все разговоры вокруг и вполовину не такие интересные, так что я замечаю, что прислушиваться стали все, желая узнать, кто же этот замкнутый двенадцатый член команды.

– Вы будете помогать с управлением кораблем или с навигацией?

– Я буду делать все, что нужно, мэм.

Слова повисают в воздухе, как заранее не подготовленное утверждение. Однако доктор Танака не теряется.

– Ну так мы все будем. Рада знакомству, мистер Хэмпстед. Да, он явно будет на «Форнакс». Так сказать, на самом остром копья.

Интересно, на какой корабль определяют меня? Надеюсь, на «Пакс», ведь именно его команда будет пытаться первой установить контакт. Это всего лишь моя догадка, но, как бы опасно это ни было – я хочу при этом присутствовать. На «Паксе» моим навыкам найдется лучшее применение, и я смогу хоть на что-то повлиять.

Наконец, в комнату входит Фаулер в сопровождении одного человека из персонала миссии и большого количества помощников. Они все рассаживаются за двумя длинными столами, когда приносят обед. Мне достается салат из яблок, сельдерея и грецких орехов, и это лучшее, что я ел за последние годы. Он кажется мне настолько вкусным, что все, о чем я могу думать, – как взять себя в руки и есть медленно.

После этого нам приносят папки с документами, на обложке которых значится **«ПЕРВЫЙ КОНТАКТ – МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БРИФИНГА – КОНФИДЕНЦИАЛЬНО»**, и чуть ниже – «Джеймс Синклер, доктор медицинских наук, доктор философии». Хорошо, как раз смогу прочитать их, пока ем. В первую очередь меня интересуют биографии членов команды и наличие у них докторской степени. Как выясняется, она есть у всех, кроме двоих.

Первая – это Лина Фогель, IT-специалист. Несмотря на вполне рядовое образование, у нее около двух дюжин патен-

тов, и, кроме того, именно она создала одну знакомую мне программу, которая несколько лет назад была весьма популярной.

Что ж, это хороший знак. Кто бы ни собрал эту команду, он явно выбирал людей не по тому, насколько хорош их послужной список и как они будут держаться перед камерой в выпуске новостей.

Второй человек без докторской степени – Дэн Хэмпстед. Майор Военно-воздушных Сил, двадцать два года службы, шестьсот часов боя в более чем ста восьми военных операциях – вот все, что нужно знать о нем. Хотя список им убитых и отсутствует, есть список медалей: четыре креста «За летные боевые заслуги» с планкой «Доблесть», восемь медалей Военно-воздушных Сил с планкой «Доблесть», пять медалей Похвальной Службы, два «Пурпурных сердца». Хэмпстед вырос в пригороде Эль Пасо, закончил Техасский университет А&М, а потом – Школу истребительного вооружения ВВС США. Не женат, детей нет, как, впрочем, и у всех здесь присутствующих.

Далее в папке я нахожу схемы каждого из модулей кораблей. Все они производились в различное время различными агентствами и конструкторскими бюро. Есть ощущение, что некоторые из них доделали всего пару месяцев назад, а некоторые – около года. Фаулер говорил мне, что план разрабатывался уже на протяжении некоторого времени, но точно ясно, что они очень спешили его закончить. Некоторые стра-

ницы в папке лежат не по порядку, а некоторые вообще отсутствуют.

Как и члены команды, модули кораблей представляют собой мешанину, собранную из чего только возможно и сваленную в кучу в отчаянной попытке спасти человечество. Но это лучшее, что у нас есть.

У меня возникло много вопросов после того, как Фаулер вкратце рассказал обо всем, и некоторые из основных я задал. Но осталось множество более детальных, которые, если на них не ответить, могут похоронить всю нашу миссию. Кое-что прояснилось после прочтения папки с документами, но далеко не всё. Может, тут в конце есть рубрика «Вопросы и ответы», а может, на некоторые вопросы ответов просто не существует.

В любом случае мне нужно запомнить все, что смогу. Человечество бросает кубик в последний раз, и мы должны быть уверены, что сделали все возможное, чтобы увеличить наши шансы.

* * *

Фаулер включает экран, на котором тут же возникает надпись «Операция Первый Контакт».

– Всем здравствуйте. Рад вас приветствовать в Космическом центре Кеннеди. Меня зовут Лоренс Фаулер, я директор НАСА. Во-первых, запомните, что это был последний

раз, когда вы вот так все вместе собрались перед обедом. Нам нужно многое обсудить и составить план, при том что времени у нас очень мало. Через несколько часов большинство из вас на сверхскоростных самолетах отправятся к своим точкам запуска по всему миру: в Россию, Гвиану, Японию и Китай. Здесь останутся доктор Чэндлер и доктор Синклер, мистер Уоттс, а также майор Хэмпстед.

В течение шестнадцати часов мы начнем запускать компоненты кораблей. Первые модули будут нести только запасы еды и инструмент, но не людей. Нам нужно проверить, как артефакт реагирует на их появление на орбите. В зависимости от того, что мы увидим, будут скорректированы дальнейшие действия.

Я не собираюсь сейчас проговаривать все этапы миссии и все риски – вы их и так знаете. Сегодня поговорим о неизвестных аспектах предстоящей миссии и составим максимально возможный план действий.

* * *

Нажав кнопку, Фаулер вызывает на экран ту же симуляцию, что он показывал мне в Эджфилде: корабли формируются в космосе, а затем начинают свой полет к артефакту.

– С того момента, как зонд обнаружил артефакт, в дело вступили наземные телескопы. Согласно их наблюдениям, объект находится между орбитами Земли и Венеры, то есть

примерно в двенадцати с половиной миллионах километров или в половине световой минуты от нашей планеты.

На экране появляется следующий слайд, на котором изображена встреча двух кораблей с артефактом.

– По нашим примерным подсчетам полет до цели Альфа займет около четырех месяцев. Как только вы доберетесь туда...

Он только что пропустил несколько моих вопросов, так что я вынужден, как первоклассник, поднять руку.

– Доктор Синклер?

– Просто любопытно. А артефакт – Альфа – перемещается?

– Да.

– Каков вектор движения?

– Ну, у нас есть только данные за двадцать пять часов наблюдений, но похоже на то, что он направляется к Солнцу.

– Скорость объекта растет?

– Понемногу, – медленно кивает Фаулер. – Более точных данных у нас нет.

– Понял. Но давайте представим на мгновение, что вы экстраполировали имеющиеся данные. Какой путь будет у объекта? Он встретится с Венерой или Меркурием?

– Нет. По нашим оценкам, он достигнет Солнца, но точное время мы не можем назвать.

В комнате повисает такая тишина, что можно услышать звук от падения булавки на пол. Мин смотрит на меня, по-

нимая, к чему я клоню.

– Потому что вы не знаете скорости. У вас мало данных.

– Верно, – говорит Фаулер, и по его глазам видно, что он тоже понимает суть моих вопросов. Но он все же дает мне договорить.

– Точка встречи, о которой говорилось на брифинге, установлена на основании двадцати пяти часов наблюдений за скоростью артефакта. У меня вот какой вопрос: что, если мы ошиблись? Так мы можем промахнуться на семь миллионов миль.

Григорий качает головой.

– Но у корабля есть маневровые двигатели. Мы всегда можем скорректировать маршрут. – Ткнув пальцем папку с бумагами, он добавляет: – К тому же у нас есть телескопы.

Мин, сидящий между мной и Григорием, вытягивает руки.

– Да, но корабельные телескопы не такие мощные, как наземные. Суть в том, что вы оба правы. Мы можем корректировать курс, но Синклер говорит о том, что это не важно, если мы не имеем точных сведений о способности артефакта к ускорению.

Я киваю.

– Вы же говорили, что он на солнечных батареях, – замечает Григорий. – А значит, мы можем спокойно допустить, что его ускорение будет расти тем больше, чем ближе он будет к Солнцу. Хотя с теми данными, что у нас есть сейчас,

более точную оценку мы дать не можем. Ну и к тому же они в любой момент могут включить ускорители, если они у них есть.

В этот момент Чендлера прорывает как вулкан, долгое время готовившийся к извержению.

– Это все спорные предположения. Вы ставите вопросы, которые мы не можем решить. Мы не можем снизить солнечное излучение – если, как вы утверждаете, для них это топливо, – и в то же время мы не можем значительно увеличить способности к разгону наших кораблей.

– Конечно, можем! – Григорий выглядит оскорбленным.

– Ну давайте, скажите нам – как, доктор Соколов.

– Больше двигатель, больше запас топлива, больше ускорение.

– И задержать запуск? – вставляет Чэндлер. – Во сколько раз увеличится скорость? В десять? В двенадцать?

– Мы можем легко утроить ее.

– В любом случае я повторяю то, что сказал ранее: это все домыслы. Доктор Синклер говорит просто потому, что ему нравится себя слушать. – Чэндлер кивает в сторону остальных. – Эти люди положили свою жизнь и работу на то, чтобы эта миссия состоялась. А вы за пятнадцать минут хотите все разрушить. И вообще, до этого момента доктор находился в тюрьме, насколько мне известно. И он единственный, кто выжил во время мятежа. Надеюсь, мы-то с вами лучше, чем его сокамерники. Поэтому давайте дадим планировать мис-

сию тем, кто умеет это делать, а сами сфокусируемся на нашей работе, от которой и будет зависеть успех.

Я глубоко вздыхаю, пока глаза всех присутствующих обращаются ко мне: прямо как на замедленной съемке с теннисного матча. Я не отступлюсь. Этот человек годами оскорблял меня с экрана телевизора, но тогда я не мог за себя постоять – мне запретили адвокаты, – а после того как меня закрыли, никто и не подумал взять у меня интервью. Но сейчас я буду драться.

– Это правда, – начал я, – до сегодняшнего дня я был в тюрьме, и всего лишь несколько часов прошло с тех пор, как меня включили в эту миссию. И да, это не моя специализация, но все вышеперечисленное не означает, что я не прав. А то, что вы чем-то долго занимаетесь, не делает вас автоматически правым. Наоборот, чаще всего вы становитесь слепы к другим возможностям и ослабляете свое воображение. Вы поступаете так, как привыкли, и принимаете решение, не рассмотрев всех вариантов.

Взгляд Чэндлера вперивается в меня.

– И куда привело вас ваше воображение? Что думают остальные об этих самых возможностях?

– Да какая разница. – Я пожимаю плечами. – Дело не во мне и не в вас. Дело в миссии и в том, что мы должны показать лучшее, на что способны. Смотрите, находясь в космосе, мы сможем оперировать только тем, что у нас будет. Если мы взлетим и поймем, что не можем догнать артефакт, то

не сможем просто дозаказать еще несколько двигателей или немного топлива на орбиту. И это будет означать провал. Вся миссия закончится ничем, если мы не сможем догнать его.

Я повернулся к Григорию и Мин.

– Все, что я предлагаю, – прогнать несколько симуляций, чтобы иметь представление о кривой ускорения этой штуки и провести расчеты для прогнозирования возможности встречи с ней.

– Я согласен, – горячо кивает Григорий.

– Как и я, – вторит ему Мин.

Чэндлер смотрит на меня в упор. Фаулеру я сразу сказал, что хочу сделать, как только увидел первое изображение артефакта.

– И нам нужно знать, чем еще мы можем оперировать.

Он наклоняется ко мне.

– Вот что нам точно известно, – продолжаю я. – Уровень солнечного излучения снижается, но неравномерно. Земля находится в поясе, более всего подверженном изменениям. Прямым курсом к Солнцу движется неизвестный корабль. Два этих факта ведут к большому количеству умозаключений, чем мы можем себе позволить в условиях жесткой нехватки времени. Я не прошу вас исследовать его. У меня только один вопрос: вы нашли второй артефакт?

Фаулер бросает взгляд на человека, сидящего по другую сторону стола. По виду он средних лет, коротко стриженный, в очках с тонкой оправой. До этого момента он не произнес

ни слова и сейчас тоже продолжает молчать, изучая меня холодными глазами, а затем медленно кивает Фаулеру.

– Да. Пятнадцать минут назад мы обнаружили еще один.

15

Эмма

Меня будит тревога. На какой-то момент я вспоминаю вчерашнее утро на МКС, когда все было по-другому: у меня была команда и...

На экране возникает сообщение:

УГРОЗА СТОЛКНОВЕНИЯ

Первые элементы нового облака обломков ударяют по обшивке капсулы со звуком, похожим на взрывы петард.

Из динамика раздается голос координатора из Годдарда.

– Наденьте шлем, командир. Мы поведем.

Стоит мне только надеть шлем, как капсулу тут же начинает дико трясти. Из-за маленького пространства меня бьет об стены, то и дело сталкивая с телом Сергея. Ослабленное тело болью отзывается на каждый удар.

Осколок, который оказывается разломанным модулем, я успеваю мельком заметить в иллюминатор. Уверена, он пролетел совсем рядом с моей капсулой, когда меня разбудили. Если бы обломок летел точно в цель, центр управления разбудил бы меня или заставил бы изменить курс. Здесь, на орбите, это будет происходить постоянно, и предсказать изменения в траектории такого поля обломков совершенно невозможно.

Лишь только стихает шум от града маленьких обломков, как следует сильнейший удар – как будто огромной кувалдой – точно в борт корабля. Я замираю и прислушиваюсь, замечая краем глаза, как мимо проплывает упаковка сухого пайка. Отличный знак – капсула не разгерметизирована.

Увидев, что на экране появилось новое сообщение, я тянусь вперед, собираясь прочесть его, но не тут-то было.

Капсула внезапно вздрагивает несколько раз подряд, так что меня начинает мотать от стены до стены, точно мышку в жестяной банке, которую играючи трясет в руке ребенок.

Схватившись за крепежные ленты на стене, я чувствую, что меня тошнит, и пытаюсь задержать дыхание, но неожиданно врезавшееся в меня тело Сергея заставляет ослабить захват. До меня доносится второй звук столкновения, еще более громкий. Ударившись о стену, я резко выдыхаю, и у меня темнеет в глазах.

Воздух, как из проколотого воздушного шарика, со свистом устремляется в возникшую пробоину, размером не более кулака. К счастью, притянутое тело Сергея затыкает ее, чем и спасает мне жизнь.

Я одна, в полной тишине неуправляемой капсулы, моргая, пытаюсь поймать ускользающее сознание.

На экране снова вспыхивают сообщения – одно за другим. Значит, коммуникаторы еще работают. Я пробую прочитать их, но перед глазами все плывет, и буквы растворяются, как чернила в сильный ливень. Черные точки становятся

все больше и больше, пока не заполняют собой все вокруг.

16

Джеймс

В зале предполетного инструктажа все даже перестают есть. Раздающиеся то тут, то там хлопки папок приводят к тому, что страницы свободно вылетают из них. Все молчат, пытаясь осознать то, что только что услышали: существует и второй артефакт.

Помощники Фаулера перестают печатать и поднимают на него глаза, как и я. Команда ждет, когда я задам следующий вопрос.

Комната вокруг сужается до тех пор, пока не остаемся только я и Лоренс, обстреливающие друг друга вопросами и ответами, будто два наших мозга объединились, чтобы обмениваться информацией напрямую.

- Местонахождение?
  - Десять миллионов миль за Марсом.
  - Размер? Форма?
  - Думаю, такой же, как и ранее обнаруженный артефакт.
- Или корабль, если они управляются сами по себе.
- Направление? Скорость?
  - Неизвестны.
  - Как вы его обнаружили? Еще один зонд?
  - Наземный телескоп.

– Но как? – спросил я и тут же сам дал ответ. – Вы проследили в обратном направлении курс первого артефакта – курс Альфа.

– Да.

– Можно предположить, что точка запуска у них одна и та же.

– Вполне возможно. Второй артефакт мы называем Бета, а место их предполагаемого старта – Омега.

Очень интересно. Значит, в точке Омега должен быть корабль большего размера или какая-нибудь база. Голова гудит из-за внезапно возникших вариантов. Все стало гораздо сложнее – буквально на порядок.

Лина Фогель, IT-специалист, входящая в команду «Пакс», неожиданно откашливается, нарушая паузу:

– Я извиняюсь, но мои знания в этой области сильно ограничены. Так что немного бы контекста не помешало.

Фаулер поднимает глаза, как будто только сейчас осознав, что в комнате есть и другие люди.

– Конечно. Что вы хотите знать?

– Ох, ну... О каких расстояниях идет речь?

– Пожалуйста. – Фаулер берет чистый лист со стола. – Представьте, что этот клочок бумаги – наша звездная система с Солнцем в самом центре. Планеты и астероиды вращаются по своим орбитам в одной и той же плоскости, потому что образовались из газопылевого облака, которое, из-за сохранения момента импульса, представляло собой диск.

Лина неуверенно кивает.

– Извините, – продолжает Фаулер, – но к предстоящей миссии это не относится. Суть в том, что все планеты движатся вокруг Солнца по определенным маршрутам или орбитах. В основном это круги, но не идеальные, конечно. Некоторые из них вытянуты более, чем другие. В то же время большинство комет вращается в другой плоскости, как, кстати, и Плутон.

Он держит листок бумаги в одной руке, а второй водит вокруг него в различных плоскостях.

– Представьте себе космос как своего рода ткань или лист бумаги, на котором лежат все планеты, луны, астероиды и другие космические объекты. – Он нажимает пальцем на листок. – Массивные объекты продавливают ткань и притягивают более мелкие к себе. Мы называем это эффектом гравитации.

В комнате раздаются несколько сдавленных смешков.

– К примеру, возьмем нашу Луну. Мы считаем, что примерно через пятьдесят миллионов лет после формирования Солнечной системы планета вроде Марса столкнулась с Землей. Луна – это осколок, оставшийся после такого столкновения. У нашей планеты больше масса, диаметр составляет три целых и примерно две трети от лунного, и еще Земля в два раза плотнее. Все это вместе приводит к тому, что масса Земли больше в восемьдесят один раз. Маленькая масса Луны в первую очередь обуславливает низкую силу притя-

жения на ее поверхности.

Фаулер обращается к одному из ассистентов с просьбой поддержать ему листок, после чего продолжает:

– Таким образом, все планеты вращаются вокруг Солнца, потому что это самый тяжелый объект нашей звездной системы. Вообще, 99,9 процента всей массы системы – это масса самого Солнца. Его диаметр больше земного в 109 раз – то есть около 864400 километров в поперечнике. Но вот чтобы удержать на месте Луну, нашей массы вполне достаточно. – Фаулер вдавливая второй палец в листок. – Луна находится в гравитационном колодце Земли и никуда в ближайшем времени не улетит. Взгляните на это таким образом, что притяжение каждой из планет Солнечной системы – это своего рода холм, на который должен взбираться объект, чтобы улететь отсюда.

Фаулер указывает на Григория, Мина и других космонавтов, инженеров и навигаторов:

– Когда мы говорим о расстояниях – а, как вы можете заметить, в розданных вам папках местоположение объекта Альфа указано во взаимосвязи с орбитами планет, – все здесь присутствующие держат в уме влияние гравитации на скорость и количество затраченной энергии, требуемой для ее достижения.

Он вдавливая палец сильнее.

– Поскольку Земля тяжелее и ее гравитация выше, требуется гораздо больше энергии для достижения первой косми-

ческой скорости, чем, скажем, в случае с Луной. Мы снижаем объем необходимой энергии за счет низкой околоземной орбиты и, увеличивая скорость, используем эффект пращи для выхода из гравитационного колодца.

Фаулер сглатывает, чтобы перевести дух.

– Просто для примера – именно таким образом была бы организована экспедиция на Марс. Спланировав по времени запуск кораблей, мы бы стали преодолевать притяжение Земли поэтапно, как если бы – помните прежнюю ассоциацию? – взбирались на холм. Мы вырываемся из земной атмосферы и используем орбитальную скорость нашей планеты, чтобы запустить корабль-пращу к Марсу. Большую часть времени мы будем находиться под воздействием гравитации Земли, которая тянет нас назад, но мы используем ее, чтобы толкнуть нас вперед. Для такого маневра энергии нужно тем меньше, чем дальше мы находимся и чем слабее сила гравитации. В какой-то момент времени мы окажемся на вершине холма – точке, в которой действующее на нас земное притяжение будет равно марсианскому. Позади нас будет склон, ведущий к Земле, а впереди – такой же склон, но уже ведущий к Марсу. Когда эта точка будет пройдена, влияние марсианского притяжения значительно возрастет, и мы, если так можно выразиться, «покатимся вниз с горы» по направлению к нашей цели, соблюдая требования по расходу топлива и ускорению.

Фаулер оглядывает группу: Григорию и Мин явно скучно,

Лина внимательно кивает.

– Навигаторы и инженеры понимают всю важность таких расчетов, потому что каждую минуту они должны помнить, с какой орбитальной скоростью они работают и каково гравитационное воздействие на корабль. На них оказывает большое влияние, уж если хотите, требуемая энергия.

Астрономическая шутка вызывает слабые смешки, в основном в окружении Фаулера.

– И все вышесказанное нас автоматически возвращает к двигателям – насколько мощными они должны быть и какое количество топлива нужно? Откровенно говоря, мы не знаем.

Доктор указывает на одну из ассистенток.

– Не могли бы встать вот тут? – И, обращаясь к команде, добавляет: – Эта молодая леди – Солнце.

Она улыбается, немного смущенная оказанным ей вниманием.

Аналогичным образом Фаулер расставляет четверых других ассистентов в разных частях комнаты, шагами отмеряя расстояние между ними.

– А эти ребята будут планетами. Внутренними – то есть находящимися внутри Пояса астероидов. И они все вращаются вокруг Солнца с разной скоростью и на разном расстоянии. Меркурий – в тридцати шести миллионах миль от Солнца, Венера – в тридцати миллионах от Меркурия, Земля – приблизительно в двадцати шести миллионах миль от Вене-

ры. А Марс – в пятидесяти миллионах миль от нас в самой близкой точке орбиты.

Взяв степлер, Фаулер ставит его между ассистентами, обозначающими Землю и Венеру.

– Вот где находится Альфа. – Вытащив из кармана ручку, он кладет ее на шаг дальше Марса. – А это Бета.

– Наш план заключается в том, чтобы использовать орбитальную скорость Земли как толчок по направлению к Альфа, а затем гравитацию Венеры, чтобы подойти к нему поближе.

Лина кивает.

– Помните о том, что все планеты вращаются в одной плоскости на разных расстояниях и с разной скоростью. Меркурий делает полный оборот каждые восемьдесят восемь дней. Венера – каждые 224 дня, а Марсу требуется почти 700 дней, чтобы обернуться вокруг Солнца.

Фаулер указывает на степлер.

– Артефакт тоже вращается вокруг Солнца по снижающейся орбите, как шарик от пинбола, скатывающийся в воронку перед попаданием в трубу, – говорит он, начиная двигаться к парню, изображающему Землю. – Корабль получит толчок от орбитальной скорости нашей планеты по направлению к Альфа. В этот момент Венера еще будет далеко, но через тридцать дней она подойдет к Земле, еще через десять – достигнет кораблей, а семью днями позже пройдет мимо Альфа. Таким образом, венерианская гравитация доставит

нас максимально близко к артефакту.

Дав знак ассистентам занять свои места, Фаулер возвращается к столу.

– Мы не уверены в том, какую скорость мы сможем получить от Земли, потому что не знаем, будет ли какая-либо сила воздействовать на модули по достижении ими низкой околоземной орбиты. Будут ли они атакованы таким же солнечным феноменом, как ранее МКС? Может, более сильным? Или вообще не будут? Этого мы не знаем. Так же нам неизвестно время появления точки перехода между орбитами Земли и Венеры. Оптимальное окно запуска для достижения предполагаемого места встречи двух планет закрывается в течение двадцати четырех часов. Если мы пропустим это окно – мы никогда не достигнем артефакта. Поэтому на данном этапе у нас нет достаточного количества информации, чтобы думать о том, можем ли мы добраться до артефакта Бета.

В этот момент в комнату вбегает сотрудник НАСА. Отозвав Фаулера в сторону, он что-то шепчет ему на ухо. До меня долетают только обрывки фраз.

– Облака мусора разделились... ..пробоина... ..повреждение тепловой защиты.

Он что-то показывает Фаулеру на ноутбуке, от чего глаза директора НАСА расширяются. Он отворачивается от человека, делает несколько шагов, закусив губу, а затем возвращается и говорит тихо и быстро, так что я с трудом могу

разобрать слова.

– Мы ничего не можем сделать. По крайней мере, сейчас. Просто постарайтесь сохранить ей жизнь как можно дольше.

17

Эмма

Придя в себя, я чувствую, насколько ослаблена и разбита. В голове такой туман, как будто меня похитили, избили и бросили на обочине.

Преодолевая боль, я скольжу взглядом по терминалу, на котором уже выросла целая гора сообщений. Я пытаюсь их прочитать, но ничего не выходит – меня неумолимо клонит в сон.

Встряхнув головой и подвигав руками, я пытаюсь проснуться, ведь сон сейчас означает смерть.

КОМАНДИР МЭТЬЮС, ВЫ ТУТ?

Руки трясутся, но я все равно дотягиваюсь до стилуса, чтобы написать ответ.

Я ТУТ.

Надо перечитать ранние сообщения, пока я жду ответа. Так, они спрашивают о моем состоянии, потом сообщают о том, что капсула повреждена облаком осколков (теперь понятно, почему меня болтало, как пинбольный шарик). Потом они говорят, что берут управление на себя и что я должна держаться (поздновато).

ХОРОШО! МЫ ТУТ УЖЕ НАЧАЛИ

ВОЛНОВАТЬСЯ!

**ИЗВИНИТЕ,   НО   ТУТ   ТОЖЕ
СТРАШНОВАТО:)**

ДАЖЕ НЕ МОГУ СЕБЕ ПРЕДСТАВИТЬ.

КАКОВ ПЛАН?

МЫ РАБОТАЕМ НАД НИМ.

КАКОВО СОСТОЯНИЕ КАПСУЛЫ?

Следует долгая пауза, перед тем как приходит ответ.

**ПОВРЕЖДЕНА,   НО   МЫ   РЕШАЕМ
ПРОБЛЕМУ. НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ.**

Меня ничто не волнует так, как человек, говорящий мне, чтобы я не волновалась. Хотя, на самом деле, еще больше меня волнует, когда я слышу, что капсула, в которой я нахожусь, висит в космосе в двухстах милях над поверхностью Земли и центр управления полетом – внимание! – решает проблему. При всем своем крайне небольшом опыте романтических отношений я понимаю, что решать проблемы – это то, что может эти самые отношения спасти. Однако когда тебе предстоит вход в атмосферу на скорости в семнадцать тысяч миль в час, решать проблему – не самое лучшее занятие. Это может вас убить.

Проблема в очень высокой температуре. У «Союза» сни-

зу имеется тепловой экран. Он отделяется, сгорая и защищая капсулу при входе в атмосферу. Жар в этот момент за-предельный, несколько тысяч градусов Цельсия, и этого достаточно, чтобы расплавить керамические слои обшивки. Не знаю, как это все сконструировано – думаю, довольно просто – но я уверена, что если в стенке капсулы есть дыра, то сгорю заживо.

Впрочем, это не единственный способ умереть в космосе. У меня может закончиться кислород, еда, вода и топливо. Даже если я сама еще смогу продержаться какое-то время, топливо необходимо, чтобы поддерживать капсулу на орбите и не упасть на планету.

Я открываю терминал и пишу единственную фразу, о которой сейчас могу думать.

ЧТО Я МОГУ СДЕЛАТЬ?

**ПРОСТО ОТДЫХАЙТЕ, ЭММА. ВЫ СВОЮ
ЧАСТЬ РАБОТЫ СДЕЛАЛИ. ТЕПЕРЬ ДАЙТЕ
НАМ СДЕЛАТЬ СВОЮ.**

Я должна что-то сделать, а потому решаю осмотреть дыру в обшивке, закупоренную телом Сергея. Нельзя допустить даже малейшей утечки воздуха. Возможно, все не так уж и плохо, но для того, чтобы залатать пробоину, я должна выйти в космос. Хотя какая разница, если тепловой экран поврежден. Но об этом лучше не думать; не хватало мне еще сойти тут с ума.

Чтобы занять себя (а заодно и проснуться), я дважды пересчитываю запасы еды и воды, просматриваю все три аптечки. Выглянув в иллюминатор, когда капсула проплывает над Северной Америкой, я беру стилус и начинаю писать письмо сестре. Пользоваться стилусом не очень удобно, но еще более неудобно подбирать слова. Мне так много хочется ей сказать, но в то же время о многом я должна молчать.

Центру управления:

Когда позволит время, передайте это письмо моей сестре.

Спасибо.

Дорогая Мэдисон,

На МКС случилась авария. Ничьей ошибки в этом нет, причина в необычном солнечном феномене. К несчастью, я спаслась, но моя команда – нет. Я пыталась им помочь, но...

Я вытираю выступившую слезу. Но потом все же сдаюсь и отпускаю стилус, который, словно бегущая собака, сначала до предела натягивает шнур, а потом отбрасывается назад.

Плавая внутри капсулы, я плачу и плачу, заново переживая все те эмоции, которые испытала за последние двадцать четыре часа.

Все, что у меня есть, – это время. Я заброшена на небесный остров без шанса возвращения домой, и это мое письмо

– что-то вроде сообщения в бутылке для моих родственников и друзей. Нужно все сделать правильно, поэтому я стираю последнюю строчку и продолжаю:

Моя команда не спаслась. Они были хорошими людьми, лучшими (в отличие от меня).

Не грусти обо мне. Я представляла себе риск, когда отправлялась сюда. Космос был моей мечтой, и, несмотря на то что всегда знала, КАК это может закончиться, я рада, что столько времени провела внутри своей мечты.

Я хочу сказать кое о чем. Ожерелье от «Тиффани», которое мне подарила мама, отдай, пожалуйста, Аделин. Я не думаю, что мне еще придется использовать оставленные на Земле вещи. Во время грядущей Долгой Зимы они ничего не будут значить, так что не трать на них свое время. Вы с Дэвидом и детьми должны поехать в одну из обитаемых зон или спрятаться под землю, если вдруг строят такие колонии. Я понимаю, как это звучит, но ты должна довериться мне. Продай все, что можешь, и уезжай. Не оглядывайся, пожалуйста. Если я сейчас ошиблась, то ты просто начнешь все с начала, а если нет – вы не сможете иначе спастись.

Очень тебя люблю.

Эмма.

Стоит мне отправить письмо, как тут же приходит ответ.

МЫ ДОСТАВИМ ЕГО, КОМАНДИР.

У МЕНЯ ЕСТЬ ЕЩЕ ПРОСЬБА.

ГОВОРИТЕ.

МОЯ СЕСТРА – ЭТО ЕДИНСТВЕННАЯ СЕМЬЯ, КОТОРАЯ У МЕНЯ ЕСТЬ. ПРАВИТЕЛЬСТВО ДУМАЕТ О СОЗДАНИИ УБЕЖИЩА ОТ ДОЛГОЙ ЗИМЫ? ЕСЛИ ДА, ТО Я ПРОШУ ЗАРЕЗЕРВИРОВАТЬ ДЛЯ НИХ МЕСТО. ПОЛАГАЮ, ЧТО ДЛЯ МЕНЯ-ТО ЭТО МЕСТО БЫЛО, ТАК ЧТО ПЕРЕДАЙТЕ ЕГО ЕЙ.

ВЫ ГОВОРИТЕ ТАК, КАК БУДТО НЕ ВЕРНЕТЕСЬ ДОМОЙ. МЫ ВЕРНЕМ ВАС, ТОЛЬКО ДАЙТЕ НАМ ВРЕМЯ.

ДАЖЕ ЕСЛИ Я СНОВА ОКАЖУСЬ НА ТВЕРДОЙ ЗЕМЛЕ, ПУСТЬ МЕСТО ВСЕ РАВНО БУДЕТ ИХ. ПОЖАЛУЙСТА.

ВАС ПОНЯЛ. Я СООБЩУ НАВЕРХ, КАК ТОЛЬКО СМОГУ.

Отодвинувшись от экрана, я понимаю, что ради этого стоило спастись. Внезапно я чувствую, что мне стало лучше, даже несмотря на то, что я понимаю, что никогда не выйду из этой капсулы.

18

Джеймс

Фаулер поднял глаза на команду, как будто удивившись, что мы еще тут.

– Что ж, как понимаем, есть много переменных, влияющих на нашу возможность достичь артефакта Альфа. В конце концов, надо залить столько горючего, чтобы доставить на место все научное оборудование, без которого мы вообще не сможем понять, что же мы нашли.

В разговор вступает Чэндлер.

– Отлично сказано. Уверен, что мы должны сконцентрироваться именно на вопросе научной нагрузки. Как только мы с ней определимся, сможем решить, сколько провизии нужно взять на команду, а оставшийся объем уйдет под топливо и двигатели.

Все присутствующие, похоже, как и я, согласны с этим.

Чэндлер дает знак молодому человеку, стоящему в углу комнаты, – по-видимому только что защитившему диссертацию, – и тот раздает скрепленные листы членам команд и персоналу НАСА. Это список оборудования, которое Чэндлер хочет взять на корабль: от зондов и лазеров до роботизированного манипулятора для корабля. Все вместе это весит не одну тонну. Да что там – десятки тонн! Взять все это, да

еще и топливо просто невозможно.

Я пробегаю глазами по листу, пока Чэндлер говорит. На середине его монолога я добираюсь до конца списка и снова задаю себе вопрос, который уже часто звучал от меня в этой комнате: *можно ли сделать лучше?* Ответ однозначен – да.

Как только Чэндлер заканчивает речь, я тяну руку – уже не в первый раз. Происходит небольшая заминка между ним и Фаулером по поводу того, кто должен дать мне слово.

– Список хорош, – начинаю я. – Тут есть полезные приспособления, и я думаю, что кое-что из этого мы действительно можем взять, например, роботизированную руку. Но многие из остальных позиций, я уверен, мы можем заменить.

Чэндлер со вздохом откидывается на стуле, а я тем временем продолжаю:

– Я не сторонник брать заранее изготовленные устройства, которые не были специально сделаны для нашей миссии. Например, зонды. Они, безусловно, выполняют поставленную задачу, но сколько времени это займет? Не считая того, что никакой технической поддержки у нас не будет – создатели этих зондов будут находиться в миллионах километров. Это значит, что никаких ответов на вопросы нам не дадут. Возможно, мы сами сможем разобраться, как эти зонды чинить, но только в случае, если у нас будет безграничная грузоподъемность. Это, конечно же, невозможно, и данный список увеличился бы на множество ненужных позиций.

По-моему, Фаулер понимает, к чему я клоню, а вот Чэнд-

лер абсолютно точно – нет.

– Ну, взлет запланирован через двадцать пять часов, так что мы можем взять только то, что уже есть, а не изготавливать новое. Это лучшее, что мы можем сделать.

– Не обязательно.

– Обязательно. Мы уже закончили исследования.

– Но вы не рассмотрели альтернативные варианты.

Он смотрит на меня как хищник, изготовившийся к прыжку. Как бы он ни хотел разорвать меня на части, я не буду реагировать. Уверен, это разозлит его еще больше.

– После запуска, – продолжаю я обыденным тоном, – мы будем четыре месяца лететь до артефакта Альфа. На каждом корабле у нас есть инженер-робототехник и специалист по программному обеспечению. Если при запуске мы возьмем с собой необходимые компоненты, то сможем в полете сделать все, что нам нужно, превратив каждый корабль в роботизированную лабораторию.

– Это просто смешно! – фыркает Чэндлер.

– Таким образом, мы сможем уменьшить вес полезной нагрузки вполтину. А когда прилетим на место, у нас будут лучшие инструменты, устройство которых мы будем отлично понимать и сможем починить, в случае чего, а также перенастроить.

– Хорошая идея, – отзывается Григорий.

– Я тоже так думаю, – кивает Лина. – Я могу взять базовый код и основные библиотеки, после чего напишу требуемую

программу. Никаких проблем.

Теперь Чэндлер выглядит испуганным.

– Ну... откровенно говоря... – его голос дрожит. – Слушайте, а если вы возьмете с собой не те компоненты? Или забудете какую-то деталь? – Самообладание снова вернулось к нему – сказывается опыт участия в спорах на ТВ. – И как вы нам выразительно напомнили ранее: Земля будет от нас на расстоянии двенадцати миллионов миль. Вы не сможете ни заказать недостающие части, ни получить техподдержку по имеющимся.

Чэндлер поворачивается к Фаулеру.

– Я больше не могу это слушать и подаю официальный протест против участия доктора Синклера в миссии. Он безответственный и безрассудный. И есть решение суда, отправившее его в тюрьму. – Он оглядывает остальную команду. – В предстоящей экспедиции он может нас всех убить или помешать нам изучить артефакт, что, как мне кажется, еще хуже.

Глаза всех присутствующих в комнате обращаются ко мне, а потом в пол или отворачиваются, как будто они только что увидели мальчика, которого избили на школьной площадке, и теперь ничем не могут ему помочь. Как-то так я себя и чувствую: с разбитым носом, упавшим, но непобежденным. Внутри меня закипает ярость.

Когда я начинаю говорить, то прежде всего стараюсь не кричать.

– Ваша проблема очень проста, доктор Чэндлер: вы не можете работать. Там, в космосе, мы собираемся построить все, что нам нужно, а потом, если понадобится, починить это. Вы могли бы все это сделать двенадцать лет назад, или даже десять, но с тех пор все, чем вы занимались, – это давали интервью на ТВ и распространяли проплаченные изображения. Там, куда мы направляемся, нам это не поможет.

Чэндлер встает, указывая на меня пальцем.

– Я изобретал уже тогда, когда ты просиживал штаны...

– Джентльмены, пожалуйста. – Фаулер примирительно поднимает руки и какое-то время смотрит на Чэндлера. – Доктор, НАСА никогда не отправляет в космос никого против воли.

Он указывает на дверь, которую открывает ассистент.

– Мы не будем делать этого и сейчас. Прошу за мной.

* * *

Когда дверь за Фаулером и Чэндлером закрывается, в комнате повисает тишина. Я был настолько готов к драке, что сейчас никак не могу успокоиться – руки продолжают трястись.

– Сколько будут весить требуемые вами компоненты? – невозмутимо спрашивает Григорий, потягиваясь на стуле. По его тону нельзя сказать, что сейчас что-то произошло.

– Пока не знаю, – бормочу я в ответ.

– А что вам нужно для того, чтобы точно это понимать? – он бросает на меня короткий взгляд.

– Ответы. Например, достигнув артефакта, сможем ли мы использовать некоторые из узлов нашего корабля, не лишая его возможности и дальше выполнять миссию и в конце вернуть нас домой.

– Возможно. – Он запрокидывает голову к потолку, как бы прикидывая в уме устройство корабля. – А какие части вас интересуют?

* * *

Фаулер возвращается в комнату с другим инженером-робототехником – доктором Гарри Эндрюсом. Ранее я встречался с ним на нескольких конференциях. Он умен, и, более того, он практикующий инженер. Последнее, что я о нем слышал, это что он работал на частную компанию, которая позволила ему безвылазно сидеть в лаборатории, избегая всяких совещаний и встреч. Доктор Эндрюс идеально подходит для миссии.

Его появление в комнате натолкнуло меня на мысль, что на этой базе есть много людей, подобных ему, которые ждут своего часа. Каждому из нас есть замена, по крайней мере должна быть. Если кто-то умрет до или во время старта, они должны будут быстро отправить замену, потому что времени готовить новые кадры не будет.

В подтверждение моих мыслей Фаулер представляет Гарри со словами:

– Доктор Эндрюс следил за нашим собранием и сейчас полностью в курсе происходящего. Поэтому давайте продолжим.

И совещание продолжается как ни в чем не бывало. Никаких возражений, никаких комментариев, разговором теперь управляют факты, а не взаимные нападки. Мы все понимаем, что сейчас на счету.

Как только наступает перерыв в обсуждении, я задаю вопрос, который гложет меня с самой первой минуты, как я увидел артефакт.

– Думаю, перед тем как двинуться дальше, мы должны определиться с тем, *что* такое этот артефакт. Раз уж мы расставили приоритеты в корабельной загрузке, то неплохо было бы сделать то же самое и с нашими теориями.

– Очевидно, именно он и вызывает Долгую Зиму, – говорит Григорий.

– Конечно, это очень вероятно, но что, если мы не правы? Тишину нарушает голос Мин.

– Возможно, они исследователи или первооткрыватели и так же, как и мы, наблюдают за тем, что происходит, а не вызывают это.

– Да, – кивнул я. – И не могут это остановить. – Дав всем присутствующим хорошо понять мои слова, я продолжаю: – Но все может быть и по-другому.

Все неотрывно смотрят на меня.

– А что, если он был там все время? Что, если он веками дрейфовал там, пока мы не заметили его просто потому, что стали смотреть более пристально?

Гарри Эндрюс окидывает меня взглядом.

– Он достаточно мал, чтобы наши телескопы могли его заметить, особенно если он не очень подвижен. Все, что нам известно, так это то, что древняя цивилизация Венеры запустила его миллиард лет назад. Когда они исчезли, то не сочли нужным прибраться за собой.

– Исчезли или были уничтожены, – добавляет Григорий. – Но существуют и другие предположения. Помните, есть ведь и второй артефакт. Что, если они воюют друг с другом? Два воина преследуют друг друга, проносясь через систему, и мы их интересуем мало. Не больше, чем колония муравьев, обреченная на смерть, когда пересекает оживленное шоссе.

В разговор вступает Шарлотта Льюис, лингвист и археолог из Австралии, чьей задачей как раз и является первый контакт. Она откашливается и неуверенно говорит:

– Увидев изображение, я тоже сразу задумалась о том, чем может быть артефакт. Логично предполагать, что это космический корабль, но если так, то как выглядит его команда? Они гуманоиды или, может быть, насекомые? Или это такая форма жизни, которой нет аналогов на Земле? Может, артефактом управляют машины, или он сам машина, вроде зонда? А может ли артефакт быть сам по себе живым суще-

ством, чей дом – это космос. Я искала в розданных нам документах, но ничего не нашла. НАСА вообще знает что-либо об этом?

– Нет, – отвечает Фаулер. – И я полагаю, что мы не получим ответов до тех пор, пока вы не доберетесь до артефакта. Единственное, что у нас есть, это его реакция на зонд, из которой мы можем заключить, что он обладает энергией и обращает внимание на происходящее вокруг. Мы не можем пренебрегать тем фактом, что некий феномен, уничтоживший МКС и другие спутники, имел место сразу после открытия Альфа. Так что если предположение Джеймса верно – очевидно, что артефакты сами по себе никак не связаны с Долгой Зимой – мы имеем несколько занимательных совпадений. Момент открытия артефактов – в то же время, когда наша планета страдает от необъяснимого падения солнечной радиации, – враждебный ответ на обнаружение артефакта Альфа, курсы обоих объектов, ведущие их прямым ходом к Солнцу... Все это позволяет с уверенностью говорить о связи артефактов с аномалией, вызвавшей Долгую Зиму. И – что более важно – мы надеемся, что *так оно и есть*. Потому что если мы ошибаемся, то это значит, что Земля медленно умирает, а мы совершенно не знаем почему и как ее спасти.

Он отворачивается и делает несколько шагов.

– Мы исследовали все возможности спасения человеческой расы, сделали все приготовления, но каждый из вас сей-

час понимает, что если солнечная радиация продолжит снижаться, то наши шансы на спасение будут исчезать еще быстрее. На данный момент мы смотрим в будущее, где сможет спастись очень и очень маленькая группа людей. Их будет ждать мрачная, холодная и голодная жизнь. Те, кто спасутся, абсолютно точно смогут называть себя счастливыми.

Фаулер обводит взглядом комнату, всматриваясь каждому в глаза.

– Эта миссия – наш лучший шанс. Нельзя победить без участия, поэтому мы *должны* предполагать, что артефакты хранят ключ к нашему будущему в том или ином его виде. – Он смотрит сначала на меня, а потом на майора Хэмпстеда. – Планируйте загрузку исходя из этих двух предположений.

Что конкретно это за возможности, Фаулер не говорит, но мы все понимаем, о чем идет речь: мы или станем друзьями, или уничтожим артефакт.

Я боюсь, что мы не сможем сделать ни того, ни другого.

19

Эмма

Каким-то образом мне удалось заснуть.

Проснувшись, я тут же начинаю оглядываться, боясь, что пропустила сигнал тревоги или еще одно надвигающееся облако обломков. Я чувствую себя скалолазом, который застрял на отвесной скале и не может найти способ, чтобы спуститься вниз. Пробоина в обшивке капсулы означает, что я не смогу в ней вернуться домой. Скорее всего, это транспортное средство выработает все топливо и упадет в гравитационный колодец Земли. Меня ждет агонизирующая смерть внутри маленькой печки.

Вопрос в том – когда: через час или через день?

Хотела бы я знать... Просто для того, чтоб поставить таймер обратного отсчета и видеть, сколько времени у меня осталось.

Несмотря на голод, я ни при каких условиях не сниму шлем, поскольку не знаю, насколько стабильна капсула. Я ведь не пробовала снова герметизировать ее, так что еда пожелтеет. Вода – дело другое, но и здесь пока еще есть время.

Судя по часам, я спала около четырех часов. Восхитительно.

Взглянув на экран коммуникатора, я вижу длинное пись-

мо от... моей сестры.

Дорогая Эмма,

приехали люди из правительства. Они отдали мне твое письмо и сказали, что я должна написать ответ. Они рассказали мне о том, что случилось, и о твоей просьбе.

Я не могу поверить. Пожалуйста, скажи, что это ошибка и капсула в порядке. Ходят слухи, что какой-то шторм в ионосфере вырубил электронику на спутниках и МКС, но они не уничтожены. Я в шоке...

Они заставляют нас паковать вещи и переезжать в лагерь в Долине Смерти. Я боюсь, Эмма, и Дэвид тоже. Он думал, что Долгая Зима скоро закончится и правительство заберет себе наше имущество, а мы будем вынуждены начинать все сначала, когда вернемся. Он начал на них кричать, но они отвели его в детскую комнату и что-то ему сказали или показали, после чего он сам начал настаивать на том, чтобы уехать.

Я еще столько всего хочу сказать, но они говорят, что больше нельзя писать, и забирают мой ноутбук. Я люблю, люблю, люблю тебя.

20

Джеймс

После бурной рабочей сессии в комнате для брифинга у нас наконец-то есть план.

Предполагаемый протокол первого контакта составлен блестяще. Один бы я до такого точно не додумался, так же как и до нового принципа коммуникации между кораблями и зондами. Он просто гениален и не требует никаких электронных передач данных. Возможно, именно это спасет наши жизни.

Последние четыре часа я составляю список необходимых для миссии роботизированных компонентов. Выбрать очень сложно, и я снова и снова просматриваю листок, размышляя над тем, должен ли я выбрать что-то другое. Прямо как студент во время теста, где нужно выбрать ответ из нескольких вариантов за определенное время. Это и есть тест, вот только ставки в нем огромны, а попытка всего одна.

Минута в минуту открывается дверь и заходит Гарри, неся с собой свой список. Мы меняемся ими, чтобы проверить, смог ли кто-то из нас додуматься до того, что другим даже не приходило в голову.

— Не знаю, помните вы или нет, но мы встречались с вами как-то раз, задолго до всего этого, — говорит он. — На между-

народной конференции по умным роботам и системам.

– Я помню. И рад наконец-то работать с вами.

– Взаимно. И да, мне очень жаль. Я слышал о вашей... о том, что случилось с вами. Думаю, это абсолютно нечестно.

– Спасибо. Так что у нас есть?

* * *

Работники НАСА, которым было дано задание провести для меня экспресс-курс, начинают с простых упражнений в невесомости, после чего вкратце рассказывают о капсуле, в которой меня будут запускать. Судя по тому, как быстро мне дают информацию, это все равно что пить из брандспойта. Что ж, постараюсь не упустить ни капли. В действительности стартом и дальнейшим маневрированием капсулы будет управлять наземный центр. Моя часть работы начнется только после того, как я взлечу и все капсулы состыкуются в один корабль.

Сейчас у меня есть восемь часов, чтобы выспаться перед стартом. Командный штаб астронавтов находится в головном здании НАСА и выглядит довольно уютно, а в сравнении с моим прежним местом пребывания это вообще дворец.

Я настолько устал, что лежу на кровати в одежде и таращусь в потолок, заставляя мозг заснуть. Мозг, подобно телевизору, прыгает с канала на канал, от мысли к мысли; я постоянно думаю о том, что мог упустить или о чем еще не по-

думал.

Вообще, это забавно: прошлой ночью я не спал, потому что был уверен, что другие заключенные вытащат меня из камеры, чтобы убить. Я думал, что та ночь станет последней в моей жизни, однако теперь я уверен, что последней станет именно эта – в том или ином смысле.

Прошлой ночью я был готов драться за свою жизнь, а этой – за жизнь каждого человека на Земле.

А чтобы у меня хватило сил, нужно поспать.

Я сосредотачиваюсь на дыхании и выключаюсь за считанные секунды.

* * *

Когда раздается стук в дверь, я нахожусь на грани между сном и бодрствованием. Я настолько парализован усталостью, что мне кажется, будто бы на мне лежит тяжеленный матрас, который я никак не могу сдвинуть. Тем более я не могу встать и подойти к двери.

– Войдите. – Мой голос звучит слабо и отстраненно.

– Простите, если помешал, – начинает говорить Фаулер, входя в комнату, но тут же останавливается. – О, вы спите?

– Вроде того, – отвечаю я, перекатившись на бок и пытаюсь встать.

– Это правильно – вам это нужно. Я буду краток.

Я открываю брошенную им на постель папку. Это личное

дело доктора Эммы Мэттьюс, доктора наук, генетика. Она – командир МКС. Ожидая увидеть типичный для НАСА портрет астронавта в скафандре, без улыбки смотрящего в камеру, я с удивлением его не обнаруживаю. Вместо него есть фотография, сделанная, по-видимому, перед отлетом. На ней она, улыбаясь, сидит за столом и, похоже, рассказывает шутку. Даже по фотографии я чувствую, насколько эта девушка полна энергии. Как ребенок в первый день в летнем лагере, она буквально сияет из-за своей страсти к жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.